В.Н. Шутов

Анатомия мировых религий

Прошлое, настоящее, будущее

Владимир Шутов

Анатомия мировых религий: Прошлое, настоящее, будущее

«Этерна»

2016

УДК 2-1
ББК 86

Шутов В. Н.

Анатомия мировых религий: Прошлое, настоящее, будущее /
В. Н. Шутов — «Этерна», 2016

ISBN 978-5-480-00360-4

В своей работе автор проводит ретроспективный сопоставительный анализ различных религиозных учений, на этой основе выстраивает общую картину религиозной мысли, охватывающую многие ветви человечества от древнейших времен до наших дней.Используя результат данного анализа, автор оценивает потенциальные возможности и составляет прогноз развития этих учений на ближайшую и удаленную перспективу, делает вывод о былом существовании мощного первоучения, из недр которого произошло большинство современных религий мира. По мнению автора, только альянс этого учения с православным христианством позволит сформировать самодостаточную и животворящую национальную идею России, действительного фундамента ее грядущего духовного возрождения.2-е издание, исправленное и дополненное.

УДК 2-1
ББК 86

ISBN 978-5-480-00360-4

© Шутов В. Н., 2016
© Этерна, 2016

Содержание

Предисловие 6
Введение 7
Глава 1 11
1.1. Христианство 12
1.1.1. Базис христианства 12
1.1.2. Основные постулаты христианства 17
1.1.3. Католицизм 19
1.1.4. Протестантизм 21
1.1.5 Православная ветвь христианства 22
1.1.6 Теологические отличия православной ветви христианства от других его ветвей 26
1.1.7. Итоговое заключение о христианстве 32
1.2. Иудаизм 37
1.2.1. Вопрос происхождения древних иудеев 38
Конец ознакомительного фрагмента. 39

Владимир Шутов
Анатомия мировых религий: Прошлое, настоящее, будущее

© В. Н. Шутов, 2016
© ООО «Издательство «Этерна», оформление, 2016

* * *

Предисловие

Книга эта родилась довольно неожиданно. Первоначально автором была задумана объемная работа по социологии, в которой религии, как одной из важных сфер человеческого бытия, выделялась отдельная глава. Однако со временем пришлось настолько углубиться в изучение религиозных проблем, напрямую стыкующихся с проблемами социологии, что автор счел себя обязанным более обстоятельно заняться религиозной темой.

В итоге его исследования переросли размеры отдельной главы и вылились в самостоятельную работу. А поскольку результаты этих исследований оказались не только новыми, но и в какой-то степени ошеломляющими для него самого, то он решил оформить свою работу в отдельную книгу, которую Вы, уважаемый читатель, теперь держите в своих руках.

Безусловно, появление этой книги в значительной мере связано еще и с тем, что автор является выходцем из религиозной среды. Такое положение послужило прочной исходной точкой для его исследований, однако оно не связало рук в его систематическом анализе, а, наоборот, помогло получить ряд смелых выводов, которые иногда казались даже чересчур революционными.

Если социальная составляющая религиозных учений и действительная, а не вымышленная история их происхождения, если комплексный анализ этих учений с прогнозом будущего интересуют уважаемого читателя, то в данной книге он найдет ответы на эти вопросы или, по крайней мере, ознакомится с нетрадиционными ответами на них.

Автор надеется, что, выставляя на суд читателей свою работу, он не делает это понапрасну, поскольку не занимается здесь непродуктивным пересказыванием давно известных истин или отвлеченной трактовкой теологических тонкостей. Он надеется, что вдумчивый читатель, ознакомившись с его работой, не только почувствует вкус новизны взгляда на сложнейшие религиозные проблемы прошлого, настоящего и будущего, но и сумеет составить свое собственное мнение по широкому кругу вопросов, затронутых на этих страницах.

Автор глубоко убежден, что ценность собственного мнения для каждого мыслящего человека во много раз превышает ценность всего того, что так или иначе он вынужден принимать в готовом виде.

Введение

Религия всегда была неотъемлемой частью бытия человека разумного, она всегда была рядом с ним с самых незапамятных времен, присутствовала во всех народах, живущих на нашей планете. Даже в те редкие периоды истории, когда религия на государственном уровне официально «отменялась», она продолжала существовать в отдельных слоях общества. Более того, в эти периоды истории властные силы, отвергающие то или иное религиозное учение, все равно наполняли жизнь своих многочисленных, иногда многомиллионных подчиненных какими-либо квазирелигиозными установками. Так что любая мало-мальски значимая религия может стать полноправным объектом социологических исследований.

Одних этих слов было бы достаточно для обоснования необходимости изучения религий в социологическом плане. Однако для полноты картины следует все же напомнить некоторые социальные функции религии:

• религия как средство оправдания, вдохновения или осуждения тех или иных деяний лидеров того или иного государства, имеющих большое влияние на общественное сознание;

• религия как организующее средство огромных людских масс;

• религия как средство осмысления бытия человека, его целей и места в окружающем мире;

• религия как средство духовного окормления масс, в том числе их духовного успокоения;

• религия как средство поддержания или разрушения тех или иных устоев общества, как средство сглаживания или разжигания социальных противостояний.

Что же, функции очень существенные. Но что следует понимать под религией? Никоим образом не претендуя на точность, полноту и категоричность своего определения, автор считает все же необходимым привести его. С социологической точки зрения религия, по мнению автора, есть организующая людей система представлений об окружающем нас мире, о месте в нем человека, о правильных (праведных) и неправильных (греховных) деяниях или желаниях людей, о надлежащих путях достижения лучшего положения личности (в текущей жизни или в посмертии, для себя лично, для общины или для всех людей), система представлений, утверждающая необходимость веры в существование высших над земным человеком сил, в их земные проявления, дополненная требованием поклонения этим силам и выполнения ряда типовых для каждой конкретной религии обрядовых установлений.

Основным отличительным признаком-критерием религии от какого-либо иного учения является признание существования над человеком принципиально высших по природе своей сил. Этот критерий устанавливает четкий водораздел между религией и множеством других учений, верований или сугубо мирских представлений (например, об инопланетянах). Другим, не менее важным отличительным признаком любой религии от различных верований, суеверий и т. п. является наличие в ней именно системы представлений, а не просто набора отдельных взглядов и идей, охватывающих отдельные сферы человеческого бытия. Кратко говоря, религия есть организованная, организующая и всеохватная вера.

Итак, основными признаками религии являются:

• вера в существование высшего по отношению к земному, горнего мира;

• наличие системы представлений о мироздании в целом и месте в нем человека;

• наличие системы поклонений этому миру, системы ритуалов;

• установление правил поведения в мире, нравственных законов;

• организация деятельности по поддержанию религиозной веры, в том числе создание церкви.

На страницах этой книги мы не будем подвергать резкой критике догматы какого-либо религиозного учения, оспаривать общепринятые факты религиозной истории или проверять достоверность тех или иных религиозных знамений или чудес. Пусть теологи занимаются этими вопросами и ломают над ними головы. В социологическом плане важно прежде всего следующее: длительность существования той или иной конфессии, характеризующая степень укоренения ее в народных массах и свидетельствующая о ее живучести, количество охватываемых ею людей, сила их веры, влияние этой конфессии на мировую историю. Поэтому, да простят автора многие представители религиозных течений меньшего масштаба, здесь будут в краткой форме рассмотрены только самые крупные религии, охватывающие в свое время своим влиянием значительные части нашей планеты.

А теперь обратим внимание на религиозные задачи социального свойства, которые оказываются наиболее важными для сегодняшнего дня. Одной из таких задач является формирование комплекса норм социального поведения, выход за рамки которого сопряжен для каждого индивидуума с его общественным осуждением, понижением социального статуса, лишением поддержки и т. п. Страх наказания при уклонении от норм (со стороны общества или со стороны горних сил) и вера в поощрение за выполнение этих норм заметным образом «укладывают» значительную часть населения планеты в религиозно-нравственное русло различных конфессий. Поэтому важной задачей любой религии является формирование такого русла, которое в наибольшей степени соответствует как актуальным требованиям сегодняшнего дня, так и самым насущным потребностям будущего.

Не менее важной задачей является формирование комплекса представлений, которые бы должным образом отвечали на духовные вопросы человека. К вопросам, формирующим такие представления, относится следующее: что есть добро и зло, какие деяния признать праведными, а какие греховными, каково будет воздаяние за соответствующие деяния в жизни или в посмертии и т. п.?

В связи с этим полезно немного остановиться на ряде современных «инструментов» религиозного воздействия. Таковыми являются:

• осуществление процедур религиозного ритуала с вовлечением в него широкого круга людей, систематически скрупулезно выполняющих все обрядовые нормы, послушания и т. п.;

• проповедь-объяснение-наставление, этот «инструмент» начинает играть все более важную роль в связи с необходимостью прямого воздействия на многочисленные массы «условно верующих», число которых все более и более возрастает;

• активная пропаганда религиозных догматов;

• распространение практики индивидуальной молитвы; молитва есть очень проникновенный «инструмент» практически всех религий; она имеет огромное значение в жизни верующего, поскольку не только в сжатой форме выражает его чаяния, но и религиозно организует его; с социологической точки зрения молитва есть, по сути, беззатратное для общества концентрированное воздействие индивидуума на самого себя.

Религия, вооруженная такими «инструментами», может с полной уверенностью считать себя искусством, в том числе искусством социологического воздействия.

Еще одной актуальнейшей задачей религии является обуздание или хотя бы ослабление агрессивных поползновений самого различного свойства и уровня, от взаимоотношений между отдельными индивидуумами до борьбы между государствами. Нельзя однако не отметить, что в мировой истории религия нередко использовалась и как средство усиления агрессивных поползновений. Это доказывает высокую степень социальной «полифонии» религии.

Важной задачей является также закрепление в сознании населения здравой идеи – человек не является вершиной мироздания. Не ломая копья в спорах о «доказательности» этой

идеи, мы можем все же определенно сказать, что многие религии мирового значения так или иначе, но подводят массовое сознание к необходимости бережного отношения к окружающей среде, к необходимости как минимум признания возможности существования высших сил, к признанию принципиальной невозможности познания человеком абсолютно Всего. Эти истины необходимы настоящему и будущему как никогда. Идеи стремления к безграничной власти и неограниченного потребления, «взятия у природы силой» всего, что только не пожелается, всевеличия человека могут довести его до полного краха.

Сегодня мир вступил в эпоху глобализации. Перед каждой религиозной конфессией открылись три дороги: либо ограничиться уже достигнутым региональным уровнем, базируясь на крепких национальных основаниях, и развивать свою самобытность, отстаивая ее в борьбе с другими религиозными конфессиями (1-я дорога), либо явно претендовать на общемировую истинность и тогда готовиться к ответам пред всем миром на всех уровнях, от теологического до ритуального (2-я дорога), либо, используя все доступные средства, установить почти силовым способом догматы одной доминирующей религии как первоистины, базируясь на мощи геополитически доминирующего социального образования (3-я дорога).

В истории, по-видимому, будут иметь место попытки реализации всех трех дорог. В любом случае, на мировую арену выйдут несколько мировых религий. При этом полное мирное их слияние с образованием полноценного единства в ближайшем будущем вряд ли произойдет, это задача не одного века. Да и целесообразность такого единства, полюбовного или силового, не является, вообще говоря, доказанной. Откровенный сепаратизм (1-й путь) тоже вряд ли будет перспективен. Остаются срединные пути. Скорее всего, наиболее вероятны следующие тенденции: укрупнение основных религиозных конфессий, прямой выход каждой из них на мировой уровень с усилением их борьбы между собой, появление их последователей в самых различных уголках Земли. При этом скорее всего будет сохранена самобытность религиозных норм в «материнских» географических зонах каждой религиозной конфессии с одновременной трансформацией этих норм во вновь осваиваемых областях. Будут также продолжены попытки создания «гибридных» религий, претендующих на вселенский уровень. Литература, соответствующая такой тенденции, уже давно появилась *(см.,* например, /1/).

Скорее всего подобная деятельность не выльется в разработку качественно нового религиозного учения – каждая из конфессий вряд ли захочет поступиться своими основными догматами. Скорее всего будет создан некий кодекс общемировых нравственно-религиозных норм, вытекающих из различных религиозных учений, более или менее когерентных друг другу (например, установки «не убий»). Такое направление является наиболее ожидаемым.

Возникает проблема вселенского солидаризма религиозных конфессий.

Еще об одной важной проблеме нельзя зыбывать – проблеме ограничения потребностей, которые могут стать нереально и даже угрожающе большими.

За подтверждениями не нужно далеко ходить. Почти каждый из нас не может не подметить, что есть на свете немало людей, живущих много-много лучше нас с вами. Было бы еще ничего, если бы эти люди были, например, великими учеными, гениальными композиторами, высокими мастерами своего дела и т. п. Но в том-то и дело, что многие купающиеся в благах цивилизации ничем таким гениальным и особо продуктивным не выделяются. Это не может не подталкивать любого активного человека к достижению им все больших и больших материальных благ, нисколько не ориентируясь на идею ограничения потребностей.

Каким же образом общество ограничивает человеческие потребности? Известно каким:

А) Построением системы социальной иерархии, приводящей к социальному подчинению и иерархическому ограничению; для большинства людей при этом становится невозможным занимать высокое положение в этой иерархии, обеспечивающее столь же высокий уровень потребления.

Б) Прямым силовым воздействием для неподчиняющихся общественным законам и слишком социально опасным.

В) Экономическими рычагами.

Для реализации этих способов общество содержит многочисленные аппараты слуг, в том числе чиновников, юристов, полицию, спецохрану и т. п. Затраты общества на поддержание порядка социального неравенства, вообще говоря, очень значительны. Совсем другое дело – самоограничение или полусамоограничение, продиктованное нравственно-религиозными установками. Это существенно более «беззатратный» способ.

В связи с этим нравственно-религиозное воздействие, направленное на ограничение индивидуальных потребностей человека, можно сегодня считать важнейшей задачей современного общества, без разрешения которой безконфликтную общемировую систему построить будет практически невозможно.

Многие мировые религии так или иначе направляли свою деятельность на обуздание человеческих потребностей. Наглядным примером здесь может служить решение так называемого полового вопроса или вопроса о сексуальной активности. Современный человек в этом плане – уникальное существо. Природные циклы, играющие колоссальную роль в регуляции жизни животного мира, на человека действуют сегодня относительно слабо, у человека сексуальность уже давно перестала носить сезонный характер. Животный же мир строго подчиняется сезонным циклам, то есть периоды зарождения потомства, его вынашивания, рождения и воспитания довольно строго выполняются в определенное время. У человека же здесь – полнейший «беспорядок». Поэтому ограничениями в этой сфере давно занимается религия. Узы брака, освящаемые практически всеми религиями мира, борьба с многоженством в ряде религиозных конфессий, с различного рода извращениями – все так или иначе охвачено религиозным воздействием. Вмешательства религии в дела брака, воспроизводства и воспитания подрастающих поколений доказаны историей.

Глава 1
Религиозные учения мира

Рассмотрение основных религиозных учений будет проведено в следующей последовательности: *христианство* (с подразделением на католицизм, православие и протестантизм), *ислам, иудаизм, буддизм, индуизм, конфуцианство, ведизм.*

Анализ этих религиозных учений будет проведен в четко выраженном социологическом ключе, иначе можно просто утонуть в огромном количестве всевозможных качеств и особенностей каждого учения.

1.1. Христианство

1.1.1. Базис христианства

Христианство обычно подразделяют на три основные ветви: *католичество, реформаторские течения, православие.* Прежде чем описывать каждую из этих ветвей, необходимо отметить ряд общих моментов. Не вдаваясь в подробности и не подтверждая детально все представленные ниже положения (для этого существуют другие работы), нужно сказать следующее:

1. *Христианство* сформировалось и развилось не только в результате древних исторических событий, непосредственно связанных с деятельностью Иисуса Христа. Это учение в течение последующих веков подверглось заметной трансформации, причем различной трансформации в различных его ветвях. Многие идеи не совсем христианского происхождения впоследствии были синтезированы христианством в процессе его распространения, завоевания умов и сердец миллионов людей *(см.,* например, /2–4/). Можно было бы это счесть за недостаток христианства. Однако это не так. Глубокие синтетические корни в значительной степени и обеспечили последующую его живучесть и фундаментальность. В частности, в процессе своего развития христианство активно впитывало и преобразовывало так называемые языческие религиозные идеи /1, 5, 6/. Здесь надо напомнить, что западное христианство туземные верования называло языческими /7/, слово «языци» обозначало тогда просто народы.

2. Обладая заметными элементами иудейского наследия, христианство сегодня содержит в себе элементы многих других религиозных традиций. Многовековое развитие христианства после его официального возникновения происходило в основном в условиях его отхода от установок иудаизма. Более того, христианский идейный и обрядовый массив можно сегодня считать заметно удаленным от догматов иудаизма. Так, например, христианские деяния не почитаются иудаизмом, праздник Рождества Христова здесь не отмечается. Да и само имя «Христос», по-гречески означающее «посвященный», с еврейского даже не переводится /6/.

3. В течение многих веков происходила борьба между различными направлениями и школами христианства, сопровождающаяся их отпочковыванием от основных канонических стволов. Об этом свидетельствует обилие древних источников апокрифического и полемического характера. Даже сегодня в полном объеме канонических христианских источников имеется большое число мест, которые с формальнологической точки зрения являются либо не вполне соответствующими друг другу, либо чрезмерно многозначными в своем толковании. Так что совсем не случайно, что в ряде ветвей христианства миряне до XIX века имели крайне ограниченный доступ к чтению Библии.

4. Хотя многие христианские церкви считают себя слабо связанными с государственными структурами («Кесарю – кесарево, богу – божье»), хотя христианство зачастую формально не вмешивается в государственные дела, это вовсе не означает, что оно потеряло свою социальную значимость в тех государствах, в которых оно заметно распространено.

В подтверждение вышеизложенных пунктов приведем некоторые данные из различных источников информации. В /3/, например, сказано, что идея Сына Божия есть «идея греческой идеалистической философии», что «христианское учение о смерти и воскресении Бога есть отражение восточных культов умирающих и возрождающихся богов» и даже что христианство возникло не только на земле «еврейской Палестины». День рождения Иисуса Христа приурочен к 25 декабря, то есть фактически к моменту зарождения солнца нового планетарного года, что соответствует празднованию рождения бога Митры. Многие важные христианские праздники неплохо соответствуют основным вехам солнечного цикла. Крест распятия Иисуса Хри-

ста имел форму буквы Т, культ же четырехконечного креста (и восьмиконечного тоже) существенно более древний /4, 6/.

Идея непорочного зачатия была широко распространена в ряде восточных и античных культов задолго до христианства. Кстати, она не имеет ничего общего с иудейской традицией. Библейский царь Соломон был язычником, у него было 700 жен и 300 наложниц (это полное нарушение иудейских законов), по происхождению он был хабером /3/. Почитание женского начала, в том числе Матери Божией, также связано не с иудейской традицией (культ Богоматери здесь совершенно неуместен), а с культами других богов, в том числе с культом богини Исиды (здесь, кстати, прослеживается связь: Исида – Иса – Исус – Иисус), с женскими богинями Макошь, Лада, Леля в древнерусской традиции.

Понятие Троицы, как троичности Бога, формально-логически труднообъяснимое с позиций единобожия (вот почему оно нередко объявляется непознаваемым для человеческого разума), легко «расшифровывается» в системе представлений древнерусского православия /6/.

Обряд причащения хлебом и вином как священной едой (но не как кровью и телом) наблюдался в культе Митры, Аттиса и других восточных богов /3/. Авторитетный исследователь язычества Б. А. Рыбаков пишет о том, что древнерусский календарь праздников неплохо соответствует праздникам христианства /5/. Здесь наблюдаются следующие соответствия:

1. День *молодых всходов* – христианский праздник Бориса и Глеба.

2. *Праздник Ивана Купалы* – праздник Иоанна Предтечи. Кстати говоря, в свое время для устранения праздника Ивана Купалы был введен «…новоизобретенный пост», который «…покрывал самый главный языческий праздник – русалии на Ивана Купалу» /5/. Не случайно сам И. Грозный называл праздник Иоанна Предтечи «русалиями» /5/.

3. *Праздник Перуна* – Ильин день (день Ильи Пророка).

4. *Праздник первых плодов* – Спас.

5. *Древний праздник урожая* – со временем был «закрыт» христианским праздником Преображения Господня.

6. *Главный праздник бабьего лета* – праздник рожениц, праздник Рода – «…после принятия христианства на Руси совместился с праздником Рождества Богородицы» /5/.

Можно расширить этот список дополнительными соответствиями /6/:

– *Рождество Иисуса Христа* – праздник Коляды;

– *Троица* – праздник почитания предков и рождения нового (число 3 символизирует рождение нового), а также Триглав;

– *праздник Масленицы* (встречи с солнцем), содержит в себе ярко выраженные «языческие» атрибуты;

– *праздник Пасхи,* главный праздник в православной ветви христианства, символизирует победу жизни над смертью, света над тьмой. Он есть воскресение в широком смысле этого слова, в том числе и в смысле воскресения природы после «зимней смерти». Не случайно православная Пасха всегда празднуется в разгар весны, близко ко дню весеннего равноденствия.

В целом уместно сказать, что древнерусские праздники не только имеют четкую связь с основными вехами солнечного цикла, но и соответствуют основным христианским праздникам:

– *зимнее солнцестояние* – Рождество Христово – Новый год, святки, праздник Коляды;

– *весеннее равноденствие* – Пасха Христова – воскресение природы, начало полевых работ, древнерусский праздник Красная Горка (см. ниже);

– *летнее солнцестояние* – Иоанн Предтеча – апофеоз лета, Иван Купала;

– *осеннее равноденствие* – Рождество Богородицы – сбор урожая, праздник рожениц, Рода.

Символически эти вехи можно выразить в виде замкнутого креста.

Вполне возможно, что эта схема раскрывает глубокий древний смысл креста вообще, а также смысл чисел 4 и 8, связь креста с кругом-колесом. Отсюда – правая, то есть православная, свастика как символ правильно движущегося Солнца, движения «посолонь». Пора забыть всю грязь, которую ныне набросали на этот древнейший символ, он совсем не виноват в том, что им воспользовался гитлеровский фашизм, который, кстати, воспользовался лишь левосторонней свастикой.

Анализ многих источников информации показывает, что древний языческий культ солнца не только проник в каноническое христианство, но и осветил его в прямом смысле этого слова. Перечень таких близких по значению «солнечных» слов, как «свет – светлый – святой» (без огласовок – «свт»), совсем неслучаен. Недаром одного из великих князей на Руси называли Владимиром Красным Солнышком. Как говорил Б. А. Рыбаков /5/, «…солнечный признак роднил его с далеким… (праславянским) царем Кола-Ксаем, Царем-Солнцем». Здесь становится заметным еще одно интересное соответствие: ксай – ксарь – кесарь – царь – сар.

Слово «коло» есть древнерусский символ коловращения, или кругового движения солнца. Да и слово «солнце» произносится в русском языке как «сонце». Отсюда становятся понятными соответствия со многими латинскими словами, начинающимися на «сан» или «санта» (то есть солнечный, святой). Отсюда также понятно, почему первый день недели по-английски называется «Sunday», то есть солнечный, святой день.

Здесь автор позволит себе высказать соображение, что и уменьшительное имя Коля от имени Николай происходит от слова «Кола», что имя Николай есть наименование Никейского Колы. Ведь Никея – всем известное место проведения православных христианских соборов. Именно с Никеей связана слава Николая = Никейского Колы = Николая Чудотворца – Николы Угодника. Да и «неожиданное» для многих происхождение имени Санта-Клаус (читай – солнечный-святой Кола) совсем неслучайно.

Европейский Санта-Клаус (по-русски – просто Дед Мороз), как правило, изображается в шубе красного цвета. Русский Николай Чудотворец также изображается на иконах в виде пожилого, но сильного человека в одежде красного цвета. Он считается выходцем из Русского Севера, по преданию, из города Великий Устюг, то есть попросту – из города Великой Стужи. О том, что Санта-Клаус исторически эквивалентен Николаю Чудотворцу, писали многие. Мощи св. Николая в XI веке были увезены в Европу из города Миры /8/. В Европе образ св. Николая стал очень популярен, его именем стали одаривать детей на Рождество елочными украшениями и подарками. Итак, Санта-Клаус, он же Дед Мороз, он же Николай Чудотворец,

то есть Кола, прославившийся на Никейском соборе и, вполне возможно, некогда живший в древнерусском городе Великий Устюг. Единая непротиворечивая логическая цепь.

Такие коловращения совсем не единичны в истории. В процессе распространения христианства по землям и весям происходили довольно любопытные метаморфозы. Всякая побеждающая религия так или иначе, но обрабатывает старое идеологическое наследие, причем кое-что сразу искореняется, другое берется на службу, третье изменяется до неузнаваемости, иногда приобретая смысл, прямо противоположный первоначальному.

Например, в Средневековье в Европе была известна так называемая Вальпурга или Вальбурга, в свое время считавшаяся святой. Наиболее ярко празднование св. Вальпурги происходило в ночь с 30 апреля на 1 мая. В значительной степени это празднование олицетворяло собой силу пробуждающейся природы, весеннюю победу грядущего лета над зимой. Со временем такое празднование, демонстрирующее буйство жизненных соков, стало рассматриваться западным христианством как проявление демонической направленности. Бывшая святая приобрела славу ведьмы со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Однако широкие всенародные гулянья в ночь с 30 апреля на 1 мая продолжались, так крепки были народные традиции. Вот откуда берут свое начало знаменитые маевки, которыми, в частности, воспользовались революционеры для распространения своего влияния на массы, вот где зарыты глубинные корни празднования 1 Мая, государственного праздника в СССР. Сегодня первоначальный смысл этого праздника давно забыт, он просто «зарос» под наслоениями самого различного свойства. В сознании большинства современных людей ночь с 30 апреля на 1 мая уже полностью связывается с сатанизмом. Да, история чрезвычайно богата самыми причудливыми метаморфозами.

Многие древние так называемые языческие боги и богини трансформировались так или иначе в православных святых. Приведем несколько примеров такой трансформации:

1. *Культ богини Макоши* «превратился в культ Параскевы Пятницы» /5/, он также частично был замещен Богородицей при христианизации русских земель.

2. *Стрибог* – стрый бог = старый бог (в прежнем понимании старый не есть дряхлый, а есть зрелый) = бог отец был «уподоблен христианскому богу-творцу Саваофу» /5/. Кроме того, бог Саваоф в значительной степени оказался подобен древнерусскому богу Роду.

3. *Христианской Троще* созвучен образ Триглава, а также «тройкам» других богов, таких как Сварог + Стрибог + Даждьбог (кстати, сын бога Сварога) или Стрибог + Сварог + Род.

4. *Древнерусский бог Белее* = Волос, с одной стороны, бог подземного мира, в котором покоятся предки, а с другой – «скотий бог», покровитель скотоводства, богатства и торговли, то есть приземленный и как бы двузначный бог. Становится понятной столь же «двузначная» цепочка слов (везде сочетание букв «в» и «л»): Белее – Волос – Ваал (бог богатства) – Вол (животное с двумя рогами) – диа (два) – вол (двурогий вол) – дьявол. Вот таким путем, скорее всего, произошла трансформация древнего бога Велеса в дьявола в процессе христианизации. Возможно, что в связи с этим и число 2 вынужденно приобрело негативную окраску. Вспомним сохранившиеся в музеях мира скульптуры древних праотцев с рогами на лбу. Превратности истории, скажете вы? Нет, все закономерно. Кстати говоря, негативным по отношению к человеку в древнерусских верованиях был бог Чернобог (созвучие: Чернобог – черт). А вот Сатана в переводе означает «ненависть».

5. Многие качества личности Иисуса Христа можно считать состоящими из свойств богов более древних верований, в том числе древнегреческих, египетских, древнеперсидских и древнерусских (в том числе Даждьбога). Даждьбог – податель благ, божество белого света, недаром сочетание слов: даждь-бог – дающий бог. Не случайно основная христианская молитва «Отче наш» включает в себя такие слова: «Хлеб наш насущный, даждь нам днесь».

6. «Языческий, победный, боевой» бог Перун после христианизации Руси был «уподоблен пророку Илии» /5/. К тому же, как утверждается в /9/, он передал свои основные каче-

ства всем известному св. Георгию Победоносцу. Апофеозом земных проявлений бога Перуна является, как известно, гроза с громом и молнией. В связи с этим вполне логичным выглядит трансформация Первого «грозового бога-победителя» – Перуна в св. Георгия Победоносца.

7. Известно *(см.,* например, /4/), что идея воскрешения-возрождения была связана в древности с культом богини Исиды, которая якобы собрала по кускам тело бога Осириса и впоследствии зачала от него, в результате чего появился новый бог Гор, символизирующий восходящее Солнце – Новый Свет. Богиня Исида знаменита своим солнечным диском – нимбом вокруг головы. Вот, скорее всего, откуда появились нимбы в христианской иконографии. Головные уборы на головах русских женщин в виде венцов, символизирующих солнце /9/, имеют, скорее всего, такую же смысловую связь.

8. В /4/ представлено довольно любопытное символическое описание четверых главных библейских ангелов: Михаила, Гавриила, Рафаила и Уриила. Архангел Михаил символизирует высшую справедливость, меч Божий, борьбу с низовым миром. В духовном смысле *Михаил* есть символ сущности человека, то есть его духа. Дух человека, если понимать его почти буквально, то есть исторически верно, есть то, что исходит от человека, то, чем он «дышит». Вот откуда такое созвучие слова «дух» со словами «воздух» и «душа». А чем, какой силой приводится в действие воздух или дух? Путем махания или мехами (в старину в печах кузниц использовали меха). Теперь вполне понятными становятся такие словесные соответствия: меха – махать – механизм и т. п. Итак, сила исполнения духа есть меха, а сила исполнения высшего духа есть, соответственно, «высшие меха» – Святой Михаил. Перейдем к следующему библейскому ангелу, к Гавриилу. *Гавриил* – ангел возвещения, наиболее известный как ангел Благовещения Матери Божией. Имя Гавриил без огласовок сводится к следующему набору согласных букв – «гврл», который с новыми огласовками можно прочитать просто – «говорил». Все встает на свои места – «Гавриил» = «говорил». Архангел *Рафаил* известен как утешитель и целитель людей, как ангел благодати Божией. Имя Рафаил созвучно слову «рай», и не просто созвучно, а соответствует ему по смыслу, ведь рай есть благодать Божия. А как называлась в древности река Волга? Известно – река Ра. Вот вам и исторически-логическая локализация рая. Вот почему общепринятым символом ангела Рафаила является Рыба, то есть рыба, которая живет в реке Волге – в реке Ра – в раю. Все сходится, все предельно ясно, Древняя Русь опять неожиданно энергично заявляет о себе. Что же касается окончания «…ил» в именах ангелов, то здесь все тоже понятно. Как начала слов на «ил», «эл», «ел», «ие» и т. п., так и их окончания символизируют святость того, к чему оно относится. Примеров здесь более чем достаточно: Эллада (святая земля), Ил-ион (святой город), Или-я Пророк, Иерусалим, Самуил, Иоанн и мн. др. Традиция исполнения окончаний многих имен в виде возвышающего или освещающего слова-символа также широко известна. Вспомним здесь хотя бы такие имена, как: Влади-мир, Свято-слав, Все-волод, Нафана-ил и др. В связи с этим описанное в Библии добавление буквы «а» к имени Аврам = Абрам с преобразованием его во всемирно известное Авраам, непонятное современному человеку, может приобрести более прозрачное звучание.

Уриил – ангел, символизирующий силу Святого Духа, силу огня Божия. Тут все еще более прозрачно. Понятие «Ур» соответствует древнерусской традиции. Четко прослеживается единая цепочка слов: ур – Урал – ура (клич атаки) – Урата (древнее государство в районе Урала /10/). Медведь – урчащий Миша, широко распространен в культуре Руси как в виде героя сказок, так и в виде основного элемента в гербах поволжских городов. Кстати, опять «случайность», опять Медведь – Миша = Михаил является символом справедливой борьбы и силы.

Итак, оказывается, что все основные библейские архангелы не только имеют древнерусское «произношение», но своими корнями связаны с русской культурой.

Историки давно подметили, что многие идеи, ритуалы, бытовые и культурные особенности в различных цивилизациях мира являются очень подобными, если не сказать идентичными друг другу *(см.,* например, /2, 3, 11–13/ и др.). Так, в /11/ сказано, что «библейский рассказ о Всемирном потопе заимствован из Двуречья. Но и в самом Двуречье имело место заимствование». В /3/ утверждается, что первого человека звали Агапа (= Адам), что он потерял бессмертие, что крылатые христианские херувимы есть не что иное, как вавилонские керубы. В /9/ говорится, что всем известная идея реинкарнации была присуща и древнерусской вере. Специалисты нередко прямо говорят об уникальной сплетенности всех религий в единый ствол, корни от которого исходят из чего-то одного, более общего /3/. Как хотелось бы найти это общее и доказать его право на существование!

1.1.2. Основные постулаты христианства

Сегодня христианство состоит из трех основных ветвей: католицизм, православие, протестантизм. И хотя это разделение продолжается, все же можно говорить о наличии в христианстве мощного единого идейного костяка. Перечислим основные идеи этого костяка, выдвинутые христианством на первый план и формирующие его именно как христианство:

1. *Признание божественной природы Иисуса Христа,* существующей в единстве не до конца познаваемой Троицы (Отец, Сын и Святой Дух). При этом во всех своих движениях христианство утверждает высшим авторитетом для любого христианина авторитет именно Иисуса Христа. Внимание к Богу Отцу становится существенно менее выраженным. Иконописное искусство, особенно православное, говорит об этом со всей очевидностью. Если пересчитать число иконописных изображений Иисуса Христа и Бога Отца в любом из православных христианских храмов, то вывод будет однозначным. Недаром все основные христианские праздники связаны с деятельностью именно Иисуса Христа, его учеников и последователей. Недаром Иисус Христос – и человек, и бог в одном лице, бог, осуществивший свое воплощение в живом человеке.

2. *Идея спасения, спасения на небе с последующим поселением в раю* – самая животрепещущая и притягательная идея христианства. Эта идея опять же непосредственно связана с Иисусом Христом, с его Воскресением и уходом в горний мир.

3. *Идея бренности земных ценностей и соблазнов,* идея собирания ценностей для небес, доходящая до утверждения о принципиальной греховности мирской жизни. Однако эта идея все же не доходит в христианстве до крайностей – здесь самовольный уход из жизни является большим грехом, здесь безграничная власть и безмерное богатство не всегда могут быть признаны дарами лукавого. Разработки этой идеи неплохо вплетаются в практическую жизнь многих социальных групп. С одной стороны, христианство формально не вмешивается в социальные, в том числе классовые, отношения, а с другой – оно всеми фибрами своими проникает в общественную жизнь. При этом униженных и оскорбленных, «малых» мира сего она утоляет, дает им надежду, заставляет смиряться перед невзгодами. Возникает даже вера в то, что чем больше страданий выпадает на долю того или иного человека, тем большее будет ему воздаяние на небесах. Социальная значимость такой позиции довольно весома, хотя эта позиция может иметь и положительное, и отрицательное значение.

В руки же властных сил она дает легкоорганизуемый и легкоусмиряемый человеческий материал, который способен сносно переносить тяготы жизни, позволяет закреплять на себе хомут социального давления. Гибкость, сбалансированность, уживаемость этой религии с социальными верхами доказана многими веками истории.

4. *Идея вселенскости, всеохватности, действительной, а не показной наднациональности* («несть эллина, несть иудея»), можно даже сказать, идея итогового равенства всех пред лицом Иисуса есть одна из основных идей христианства. Здесь важно то, что социальные досто-

инства, принадлежность к верхам общества, индивидуальное или семейное богатство и т. п. совсем не являются «пропуском» в будущее посмертное блаженство. Наглядный пример – одному из разбойников, распятому вместе с Иисусом Христом, был обещан рай. Равенство перед Богом, воздаяния за грехи и благие дела вне зависимости от социального статуса – вот идеи, поднятые на щит христианством, которые продолжают притягивать к себе миллионы людей.

5. Другой важной идеей является *идея возвышения меньших над большими* («блаженны нищие духом», «блаженны униженные и оскорбленные» и т. п.). В какой-то степени ее можно рассматривать как непризнание установившегося рационализма социальной жизни в виде государственного или имперского устройства. Она также является очень привлекательной для эксплуатируемых масс. Эта идея исходит из призыва служения прежде всего горнему миру, однако она неплохо эксплуатируется определенными силами. В последовательном развитии этой идеи христианство дошло так далеко, как никакая другая религия. Здесь проявлено не просто уважение к нищим духом, не простое отречение от мира сего, здесь проявлена даже некоторая возвышенность социально падших и меньших над большими. Евангелие демонстрирует нам это очень наглядно: заметно выраженная негативная реакция по отношению к книжникам и фарисеям, земное бытие Иисуса Христа протекало в основном в среде простых людей, выбор ближайших учеников осуществлен из этой среды. Следует, однако, напомнить, что во многих ветвях христианства идея возвышения меньших над большими прекрасно уживалась с тем, что в истории те или иные деятели церкви становились «управляющей рукой» государства и не гнушались пользоваться благами мира сего. Нелишне также напомнить, что деяния по схождению вниз, вообще идея снисхождения также присутствуют в христианстве. Сам Иисус Христос, по преданию, совершил сошествие в ад, об этом нам говорят многочисленные иконографические изображения этого события.

6. Еще одной важной идеей христианства является *идея жертвенности,* отражением которой служит *идея искупления грехов.* Нагляднейшим примером здесь служит жертва самого Иисуса Христа, сам Бог пожертвовал собой для спасения человечества. Тем самым на сверхвысоком уровне было продемонстрировано всему миру, что жертва-искупление есть благо. Важно подчеркнуть, что речь идет именно о жертве действительно большего, даже много большего по сравнению с обычным. Принцип «на тебе, Боже, что нам негоже», а также известный принцип «жертвы чужим, а не своим» (например, платить жизнью или кровью другого за свои прегрешения) здесь не в почете. Эта идея, как бы она ни была впоследствии искажена в различных ветвях христианства, все еще продолжает жить в нем. Идея жертвенности была преобразована христианством в идею святости мученичества, если мученичество, разумеется, было продиктовано христианской верой. Пожалуй, ни в одной мировой религии нет того, чтобы так откровенно, массово и чуть ли не подавляюще выставлять различные аспекты мученичества в качестве важнейших символов своего учения. Это мы видим и в иконописных изображениях различных «страстей» (мечи, копья, колеса с острыми зубьями и т. п.), и в многочисленном сонме христианских мучеников, причисленных к лику святых, и в крестном распятии – главном символе христианства. 7. И все же основой первоначального христианского духа, первоисточником всех других положений христианства является не Закон, а *утверждение Любви.* Не законы – конкретные установления и ограничения практической жизни, а именно Любовь признается христианством наипервейшей заповедью (кроме признания Бога и Иисуса Христа, разумеется). Все остальное – вторично. Любовь, доходящая до полнейшего национального нерационализма (предлагается даже любить врагов своих), любовь, которая является не просто средством возвышения над земными законами, но основой устроения индивидуальной жизни и средством спасения, – вот основной стержень исконного христианского учения. Кратко можно сказать, что вера в Христа, почитание Христа, вера в грядущее спасение во Христе, Любовь, как пропитывающая все 10 заповедей сущность, а также две

основные молитвы («Отче наш» и «Символ веры») – вот что является основой христианства. Такая «концентрированная простота», понятная всем и каждому, в сочетании с обещанием посмертного воздаяния для истинных последователей вне прямой зависимости от социального положения, в сочетании со значительной привлекательностью как для низов, так и для верхов общества, является могучим базисом, который удерживает массивное и многоликое древо христианства на лоне Земли вот уже многие-многие века. Разумеется, вышеперечисленный комплекс основных идей христианства в различных его ветвях может иметь различное наполнение, однако как фундамент христианства, пусть даже фундамент, поросший иногда не очень привлекательным мхом новых веяний, все же пока остается.

1.1.3. Католицизм

Можно подойти к определению характеристик католицизма путем описания его теологических отличий от других ветвей христианства. Эти отличия, разумеется, существуют, однако надо помнить, что не только они определяют суть католицизма, если подходить к нему с социологических позиций. И все же полезно будет перечислить эти отличия /3, 13/:

• утверждение чистилища как промежуточного уровня между раем и адом;

• признание того, что Святой Дух исходит не только от Бога Отца, но и от Бога Сына;

• существование идеи создания священного фонда заслуг перед Богом и право римско-католической церкви распоряжаться этим фондом по своему усмотрению;

• наличие догмата о непогрешимости Папы в делах веры;

• существование ряда обрядовых отличий-установлений (причащение мирян одним хлебом, миропомазание совершеннолетних, крестное знамение пятью пальцами и др.);

• признание установлений существенно большего числа древних христианских соборов вместо, например, семи основных соборов, признаваемых православной ветвью христианства;

• длительно существовавшие ограничения в ознакомлении мирян с текстом Библии, в толковании ее отдельных положений.

Обычно считается, что католицизм оформился как самостоятельное направление в 1054 году, когда произошло разделение христианских церквей на западную и восточную. С этой датой почти совпадает начало эпохи Крестовых походов. А что такое Крестовые походы? Это прежде всего захват «под символом креста». Можно по-разному к этому относиться, но с социологической точки зрения это именно так.

Практически до самого последнего времени католицизм отличался высокой активностью. Борьба с обильно возникающими ересями, инквизиция, насильное обращение огнем и мечом в христианство язычников, в том числе населения колоний, интенсивная экономическая деятельность католических орденов, проникновение в государственный аппарат, даже периоды фактического церковного управления – все это не случайные явления, все это отражение былой активности, если хотите, агрессивности католицизма. Такова история, по крайней мере история прошедшего тысячелетия. Только в последние века этот пыл заметно угас, угас на фоне активизации других религиозных направлений западного христианства, прежде всего протестантизма.

В католицизме сильно развита идея социального разделения, причем не простого разделения человеческого материала по уровням социальной иерархии, а разделения, доходящего до идеи превосходства. Последовательное же развитие идеи превосходства в свою очередь доросло до идеи презрения одних другими. Так что не случайно, что для католического Средневековья вполне уместным было сравнение простого люда с недостойной скотиной. Некоторые высказывания католических священников о простых смертных *(см.,* например, /7/) сегодня вызвали бы бурю негодования у этих самых смертных. Даже в самом названии католического

священника – «пастор» сохранилось отношение к его подопечным, отношение как пастыря к пастве, то есть «пастуха» к «овцам», которое может быть даже понято почти как отношение «хозяина» к «скотине». А что в связи с этим есть признание непогрешимости Папы? Это есть развитие все той же идеи превосходства, точнее говоря, есть завершенное плодоношение этой идеи. Выше этого, наверное, уже остается только прижизненное признание Папы святым.

Так что не случайно именно в католической ветви христианства мощное развитие получил индивидуализм. При этом собственные интересы личности ставятся на одну доску, а то и выше интересов общества, в котором эта личность обитает. Признание индивидуализма такого уровня и есть так называемый феномен Запада: все вроде бы вместе, но все – очень «свободные» друг от друга личности, все – индивидуалы. Можно даже сказать, что католицизм сам уготовил свою судьбу, выпестовав своего ближнего соперника – протестантизм.

Еще одной чертой католицизма является допущение интенсивной церковной экономической деятельности. Исторически это было связано с тем, что в эпоху Крестовых походов католическая церковь стала заметно обогащаться. Когда же Крестовые походы перестали приводить к успеху, к захвату лакомых кусков Востока, то началось интенсивное использование накопленного. То, что католическая церковь «пускала деньги в оборот» /7/, и то, что принято сегодня называть практикой индульгенций, – это все не случайности, а закономернейшие следствия в жизни этого религиозного направления.

Объективно здесь все понятно: раз крестоносное движение не привело в итоге к победе, к захвату «старого» Востока, раз единение западного креста и меча не дало ожидаемых результатов, в ход пошли другие средства – финансовые и политические. Внешняя активность стран Запада не угасла, подкрепляемая католической церковью, она переместилась на захват народов Африки, Америки и более удаленных районов Востока. Схема действия здесь предельно проста и стара как мир: захват Нового Света – порабощение – эксплуатация – наращивание превосходства метрополии и т. д. /14/. Вот почему впоследствии католицизму удалось охватить собой самую большую часть населения Земли.

Причем католическая церковь не только обосновывала устремления Запада в освоении Нового Света, но и сама становилась инициатором подобных движений. И как только накопленные богатства и соответствующий им технический прогресс позволили Западу создать новые военно-технические средства, политика в отношении «старого» Востока вернулась в старое русло – силовое давление резко возросло. Правда, полностью считать причастной ко всем этим процессам католическую церковь уже нельзя, в значительной степени Западная Европа уже была перерождена эпохой Реформации, более соответствующей духу Нового времени. Католицизм оказался прародителем протестантизма, который перехватил у него пальму цивилизационного первенства.

Историческую дорогу католицизма можно выразить в следующей краткой формуле: всплеск воинствующего христианства – Крестовые походы – Латинская империя на территории Византии – поражение в борьбе со «старым» Востоком – внутренние деформации, борьба с ересями и обновлениями – переориентация на освоение Нового Света – достижение церковного и финансового могущества – крен в сторону индивидуализма – Реформация, протестантизм – борьба с секуляризацией и новыми религиозными направлениями – уступки в борьбе – потеря былого могущества – современные попытки повышения социального влияния.

Сегодня католицизм существенно более миролюбив, чем ранее. Несмотря на еще большую по объему паству, его мировое влияние продолжает падать. Будущее католицизма, выбравшего себе стратегию обороны и нишу ортодоксии в соперничестве с другими религиозными направлениями, не столь завидно, как кажется. Выдвижения новых, свежих идей теологического характера, которые бы смогли вдохнуть в тело католицизма новую жизнь, не предвидится. В свое время католицизм стремился к построению Мирового Царства, созданию всемирной армии послушников, окормляемой католической церковью и находящейся

под «абсолютно безгрешной» дланью Папы Римского. Этой цели, скорее всего, не суждено будет сбыться, по крайней мере сбыться под «католическим венцом».

И все же католицизм имеет два важных по социологическим меркам качества:

1. Сохранение хотя бы элементов духа общинности как среди глубоко развитых членов общества, так и в глубине широких народных масс.

2. Выражение идеи духовной централизации и пирамидальной иерархии, распространяемой на значительную часть населения нашей планеты.

1.1.4. Протестантизм

Принято считать, что протестантизм родился как альтернатива католицизму. Он возник как реакция против доминирования католицизма в Западной Европе, реакция на злоупотребления, монополизм и проникновение католической церкви в государственные структуры. Действительно, власть аристократических западноевропейских верхов опиралась на католицизм, и всякие силы, вступающие в борьбу с этими верхами, так или иначе, но неизбежно вступали в борьбу с католической церковью. Идеологические атаки как внутреннего, так и внешнего свойства на любую ортодоксальную религиозную концепцию – обычное явление мировой истории. Но для того, чтобы родилось новое или возникло хотя бы модернизированное течение, одного этого недостаточно. Необходимо создать такие идеологические, в данном случае религиозные, установки, которые были бы более адекватны уже произошедшим социальным изменениям, оказались бы более привлекательными для новых слоев общества. Таким оказался протестантизм, несущий в своем зародыше протест против католицизма.

Исторические корни протестантизма довольно прозрачны /14/. Он возник именно тогда, когда и должен был возникнуть, то есть тогда, когда произошла переориентация Запада и открылась перспектива освоения Нового Света, когда наметились крупные задачи, требующие не простого рабско-скотского подчинения при «безапелляционной» власти феодальных верхов, а значительной личной активности так называемого среднего класса.

Протестантизм не представляет собой сплоченного единства, он состоит из отдельных подветвей, таких как лютеранство, кальвинизм, пресвитерианство, англиканизм и др. И все же главными свойствами всех протестантских направлений можно считать следующие:

• сильно выраженный религиозный индивидуализм, то есть признание того, что вера отдельного человека стоит выше какой-либо «обобщенно выраженной» веры, сохранителем которой является та или иная церковь; вот почему соборно-массовые процедуры служения Богу, возглавляемые крупными религиозными иерархами, здесь не очень-то типичное явление, типичным как раз является возвышение личного религиозного опыта;

• повышенный интерес к древнему Священному Писанию, доходящий до буквального следования всевозможным библейским предписаниям;

• упрощение догматики; одной из крайностей этого упрощения является распространение аскетического духа, пропитанного фанатизмом, особенно это было заметно в прошлом; отсюда – доминирование мужского начала; широкое распространение многих упрощений на нижние и срединные, самые массовые слои общества;

• оправдание и даже возвеличивание стремлений к богатству, восприятие богатства как дара Божьего, почти дословное понимание связи «Бог – богатство» – все это полностью соответствует духу капиталистического предпринимательства;

• содержание элементов недовольства, протеста (отсюда и название – «протестантизм»), воинственности против прежней власти, в том числе власти католической церкви.

Протестантизм сыграл значительную роль в истории человечества, он вполне соответствовал духу капитализма, духу эксплуатационного атлантизма вообще. Исторически он

способствовал тому, что европейский Запад переваривал Новый Свет не с психологией полураба-полукрепостного, не с психологией ревностного послушника, а с психологией освобожденного предпринимателя и «справедливого» захватчика. Со временем это вылилось в освобождение Нового Света от праматери Европы и создание гиганта – США.

Сегодняшняя дорога протестантизма предвидится вполне определенной. Это дорога к устроению неокапиталистического общемирового порядка, оправдания существующей и грядущей мировой власти и концентрированного частного богатства, в теологическом плане – дорога к «неканонической околохристианской простоте», в которую впоследствии можно будет существенно проще внедрить самые различные религиозные установки. Вот почему он предпочтительнее для власть имущих, чем более ортодоксальный католицизм.

Здесь у читателя может сложиться впечатление, что эта ветвь христианства отличается одними недостатками. Это не так. Помимо многого прочего, протестантизм отражает стремление освобождения от канонических оков церковной власти, от некоторых явных извращений первичного христианского духа, например от идеи индульгенций. Исторически протестантизм олицетворил собой стремление к реализации личной практической инициативы средних слоев, к активности и свободе, в том числе свободе экономической. Эти устремления во многом инициировали процессы, связанные с общеевропейской цивилизационной волной по освоению Нового Света /14/. Можно даже сказать, что без протестантской идеологии мы не имели бы сегодня такого общемирового лидера, которым являются ныне США.

Однако широкое развитие индивидуализма, возвеличивание идеи личностного общения с Богом, бедность теологической новизны, установка на простоту не могли не сказаться как на идеологическом упрощении протестантизма вообще, так и на развитии им преимущественно материалистической направленности человеческого бытия. В свою очередь эти обстоятельства создают предпосылки для такого поворота событий, при котором протестантизм в принципе может быть преобразован-деформирован какой-либо иной идеологией или религией. Где, например, гарантия, что «индивидуальный дух» протестанта при его «сугубо личностном» общении с Богом не сможет стать легкой добычей каких-либо внешних идей. Воинственность, непримиримость, внутренняя религиозная сосредоточенность, аскетический дух и многое другое давно остались в прошлом протестантизма. Религиозное же служение протестанта сегодня больше напоминает периодическое и краткое исполнение не очень-то обременительных обрядовых норм-минимумов, чем истовое и всепоглощающее моление о Боге.

1.1.5 Православная ветвь христианства

Православный мир охватывает ныне относительно небольшую часть населения Земли, примерно 150 млн человек, то есть сила православной ветви вроде бы невелика. К тому же глубина охвата населения этой части остается все еще недостаточно высокой. Известно, что практическая, а не формальная глубина религиозного охвата населения в странах западного толка тоже не очень велика. Так, например, в /15/ говорится: «Верующих в развитых странах насчитывается не более 5 % населения». В сегодняшней России относительное число действительно верующих тоже, наверное, не намного больше. Однако православная ветвь отличается целым комплексом свойств, существенно отличающихся от других ветвей христианства, что придает ей качество самобытной неповторимости.

Православная ветвь включает в себя солидные пласты древнерусского наследия, которые иногда она мирно принимала внутрь себя, иногда начисто отвергала, а иногда, исказив до неузнаваемости, придавала им прямо противоположный первоначальному смысл. Так что не случайно, что православие в большей степени, чем другие ветви христианства, удалилось от «ветхозаветности». В ветхозаветной части Библии либо отсутствует, либо довольно смутно просвечивается жизнь многих неиудейских народов (например, русских, татар и др.), в то же

время постоянно встречаются указания на существование многих и многих народов мира, многих высокоразвитых культур.

К таким культурам принадлежала и древнерусская культура, культура земледельчески-оседлого хозяйствования. Вот почему христианство, которое затем широко распространилось в огромных пространствах земледельчески-оседлого хозяйствования, должно было обогатиться многими элементами древних верований. Вот почему христианство в лице его православной ветви так долго находилось в положении «княжеской» религии на Руси и даже вплоть до XIX века не охватывало полностью все население России. В течение многих веков проходила упорная борьба «ортодоксально-княжеского» христианства с различными низовыми течениями древнерусских верований, которая и породила такие «многоличия» православия. Сегодня православное христианство можно считать некоей смесью ветхозаветного наследия, ортодоксального христианства, древнерусских и других верований.

Приведем некоторые наглядные примеры такой трансформации, одновременно отмечая ее социальные последствия.

А) Промысел бога в древнерусских верованиях достаточно гармонично уживался со свободной волей человека, с необходимостью проявления активности в социальной жизни. Сегодня в православном христианстве, к сожалению, нередко упование на Бога фактически превращается в индивидуальную пассивность, то есть в развитое до самоуничижения смирение, а не в осознание необходимости борьбы за правду. Подобное «развитие» доходит до прощения того, что с социологической точки зрения не надо бы прощать. Например, сохранение жизни злостным выродкам-маньякам, лишившим жизни не одного человека, может расцениваться здесь как благо. Но прощение закоренелого убийцы может способствовать новому преступлению. Здоровая логика нарушена.

Развитие духа самоуничижения с неизбежностью подводит к состоянию бездумного некритического повиновения, глубочайшего неоправданного терпения, доходящего до самостоятельно надетого на себя рабства. Плоды всех этих веяний с неизбежностью породили то, что вполне можно сегодня назвать отсутствием боевитости христианского православия. Где они, прежние времена святых, одетых в доспехи и крепко держащих оружие в руках?

Потеря воинственности налицо. Более всего православное христианство готово на призывы к пастве не поддаваться на происки врагов веры и церкви. Уже давно отсутствуют всякие попытки мобилизации христиан на жесткие силовые действия с целью пресечения всевозможных неблаговидных дел, творящихся в мире. В качестве основных подавляющих средств в большинстве случаев применяется лишь ненавязчивое осуждение греховности, укоризна за неблаговидные деяния с увещеванием приостановить их. При этом во всех храмах регулярно осуществляется массовое «принятие» грехов молящихся. Сегодня, в наше обостренное и даже жесткое время, это фактически сводится к тому, что мир наполняется свободой деяний неправедных при молчаливом допущении остальных. Происходит либерализация духовной жизни, когда открывается дорога к негативным, в том числе и к антихристианским, движениям. Ох как прав был А. С. Панарин, когда писал /16/, что антихрист есть «…либерал, поборник безграничного плюрализма безграничной терпимости».

Б) Границы чувства любви, которые православный христианин должен изливать на окружающий мир, ныне очерчиваются как-то очень неопределенно. «Ближний» рассматривается почти как «любой», причем любовь должна изливаться на всех, в том числе на врагов, и даже на носителей Зла. С чисто теологической точки зрения, возможно, такой подход есть следствие высокого духа христианина, но с социологической точки зрения он подчеркивает социальную уязвимость такого учения. И что это за враги такие, которых следует любить, а не уничтожать социально (здесь нет речи об убийстве, часто вполне достаточно изолировать личность от центров социальной жизни)? А что, если этими врагами оказываются закоренелые рецидивисты,

которые убивают в том числе крепко верующих? Их тоже надо прощать и любить? Где здоровая самосберегающая мера? Нет ли здесь противоречия здоровым основам социальной жизни?

Еще один момент. Любовь должна быть всеобщей, она должна изливаться на всех, в том числе и на уродов, больных, ущербных и т. п. Спору нет, им она нужна, и даже очень. Но не следует ли сильнее любить все же более здоровых и развитых, а не эту категорию явно менее продуктивных личностей? Надо откровенно признать, что в христианском православии чрезмерно развит, прямо скажем, культ любви к малым сим, при переходе к наиболее продуктивным членам общества он как-то ослабевает.

Вот откуда сильно выраженная национальная «неразвитость» православного русского человека в плане сильной поддержки ближних своих. Вот почему в России так распространено было явление юродства и чуть ли не почетного нищенства. Сегодня у нас распространено какое-то прохладное отношение к своим сородичам. Они самостоятельно, без существенной протекции своими лбами или кулаками вынуждены пробивать гранитные плиты социальных пластов для достижения привилегированного положения. Более того, очень часто создается ситуация, когда пробравшийся наверх тот или иной «наш родной» человек игнорирует своих менее удачливых родичей, за что они платят ему соответствующей «любовью». Учитывая объективно существующий дефицит здорового человеческого материала в верхних эшелонах власти *(см.* /14/), такая позиция с чисто социологической точки зрения оказывается очень близорукой. Этим свойством нередко с успехом пользуются представители других культур, не «нагруженных» идеалами всеобщей любви, но цепко придерживающихся родовых традиций. Они поступают, как правило, совсем иначе, они «вытягивают» за собой всех, кого только можно, выстраивая цепочку близких своих снизу доверху социальной пирамиды, нередко заполняя верхние слои общества самым недоброкачественным материалом.

Сегодня в наше отношение к действительно лучшим-большим въелось даже некое чувство подсознательного отторжения (как же – он лучше нас?!). Внутреннее, а не показное уважение лучшего-большего человека у нас сегодня почти потеряно. Душевно проще (загляните внутрь себя, это именно так) и вроде бы благодатнее (а так ли это?) «возлюблять» малых сих, чем восхищаться, помогать, одаривать, искренне почитать и продвигать еще выше тех, кто уже сегодня выше нас самих.

Однако задумаемся, нет ли в таком подходе к окружающим некоего более высокого смысла, некоей высшей мудрости? Попробуем в этом разобраться.

Если тот или иной член общества не отличается острым умом, способностью к непредвзятому и глубокому аналитическому мышлению, не имеет всепоглощающих интересов в области философии, религии, социологии и культуры, не отличается высокой энергией и стремлением выделиться, не наделен талантами, сдобренными хорошим образованием и серьезными знаниями, не отличается особой продуктивностью, а живет простыми, приземленными, практическими интересами, то скорее всего ему будет более уместно такое индивидуальное и общественное бытие, которое заключается в следовании социальным и религиозно-нравственным нормам, уже выработанным той ветвью человечества, в которой он постоянно живет. При этом эти нормы становятся как бы законами жизни такого рода людей, а критическое прикосновение к этим нормам со стороны подобных лиц вряд ли окажется полезным. Это нормально, это сберегает стержень нравственных устоев в народных пластах, сохраняет костяк обрядовых норм, так необходимых для подрастающих поколений. Что же касается лиц, отличающихся вышеперечисленными свойствами, то они должны руководствоваться опять же известным принципом – «дерзай, и тебе приложится», то есть воздастся по заслугам. Именно такие люди являются локомотивами нового.

Так что истинная православная христианская нравственность (именно истинная, а не ханжески «осредненная» по всем) хотя и не в полной мере, но все же старается проявить в этом вопросе разумную гибкость, позволяя наиболее здоровым и энергичным выделяться

и занимать достойные вершины духа и власти, одновременно направляя массы рядовых членов общества на проявление таких необходимых социальных качеств, как послушание, смирение, почитание авторитетов и поклонение им, осуществление поддержки малым сим и т. п.

Свидетельств такого дифференцированного подхода к различным членам общества довольно много. Вспомним в связи с этим и знаменитую притчу о зарытых в землю талантах, и приобщение, казалось бы, самых простых смертных к Великому Учителю – Иисусу Христу с последующим превращением их в апостолов. Так что в таком комбинированном подходе вполне можно усмотреть глубокую социальную мудрость.

Однако когда такой подход будет действенен? Когда народ изнутри способен выделять-направлять вверх значительные потоки молодых, свежих, энергичных и здоровых своих представителей, с успехом вытесняющих большинство негативных элементов с важнейших иерархических постов. То есть для здорового, находящегося на подъеме общества такой подход является не только приемлемым, но и наиболее целесообразным. Совсем другое дело, если мы имеем дело с ослабленным социальным организмом, находящимся на спаде того или иного цикла развития, с фактически срезанной элитарной «верхушкой» и тем более с его порабощением каким-либо другим, более сильным социальным организмом. В последнем случае такая религиозно-нравственная «рубашка» может выполнять лишь функцию подавления-смирения масс. А хорошо ли это сегодня?

В) Религиозный подвиг сдеформирован в сторону пассивного подвига – подвига смирения, испытания тягот, в том числе перенесения мучений. О действенном понимании подвига (подвинуть, то есть активно и существенно что-либо изменить в окружающей жизни) и тем более о подвиге великой победы как-то забывается. Еще в древности князей Бориса и Глеба первыми среди русских христиан причислили к лику святых именно за непротивление своему убийству. Очень показательный пример. Да, времена святого Георгия, воина-героя, а не скромного послушника, прошли. Но хорошо ли это в наш бурный век?

Г) Как уже говорилось выше, в процессе христианизации русских земель происходило переосмысление многих более древних религиозных установок, зачастую придание им смысла, прямо противоположного первоначальному. Так, например, слово «дьявол», по мнению автора, есть слово, происхождение которого не столь однозначно, как кажется на первый взгляд /4, 7/.

Луна связывалась в древности с такими понятиями, как «лоно» – «живот» – женщина вообще. Женщина же долго считалась в христианстве низшим существом, даже чуть ли не исчадием ада. Вот почему со временем была выращена некая система негативных символов-представлений, причудливо сочетающих в себе качества женщины, серпа Луны (ночь, луна – символы тьмы, смерти, колдовства, всякой нечисти, но времени зачатия и рождения) и двух рогов сильного животного – вола (недаром дьявола изображали с двумя рогами с приданием ему атрибутов нечистого, низменного животного мира – копыт, шерсти и т. п.).

Еще одно слово – «ведьма» (или «ведьмак»). Это слово явно происходит из такого набора слов, как: ведун, ведать, уведомить, Веды. То есть в древнерусском религиозном наследии это были явно позитивные слова. Так что, скорее всего, слово «ведьма» получило негативную окраску именно в процессе борьбы христианства с древнерусским наследием /17/.

А вот слово «демон» скорее всего связано со словом «демократия». Демосами или димосами назывались в Древней Греции поселения негородского типа *(см.* /18/). Если управление государством осуществлялось с активным привлечением представителей димосов, то такое управление и следовало называть широкой демократией.

Представители димосов являлись выразителями интересов низовых слоев общества. Ясно, что эти интересы были, как правило, интересами приземленного, прагматического, ограниченного свойства. Поэтому они и назывались, скорее всего, демоническими, то есть,

попросту говоря, «низкими». Недаром говорят, что низкий человек обуреваем низменными или демоническими страстями.

Д) Осознание своей первозданной Адамовой греховности вовсе не присуще древнерусскому наследию. Оно было привнесено именно христианством и опять же способствовало подавлению личности, признанию самого себя принципиально греховным, а не возвеличенным рождением. В древности греховностью называлось прежде всего отклонение от религиозно-нравственных устоев коллективной жизни, а не признание себя априорно ущербным. Не следует ли считать это более правильным с социальной точки зрения?

Так что православная христианская российская цивилизация корнями своими уходит в древнерусское наследие. Это следует из целого ряда исторических подтверждений. Широко известна языковая общность, которая называется индоевропейской, она охватывает языковые культуры от Индии до западных частей Европы. Чем отличается эта общность от других? Прежде всего наиболее частым, пусть нередко и редуцируемым использованием звука «р». Но где географически расположена середина-сердцевина индоевропейской языковой территории? В районе Поволжья и Урала. Где наиболее часто и явно используется звук «р»? Опять же в районе Поволжья и Урала. Если перечислить большинство географических названий в этом районе и наименование народностей, его населяющих, то мы увидим, что звук «р» встречается здесь очень часто. Да и в древнем названии главной реки этого региона – Волги первой буквой является буква «р» (Волга = Ра). Главный горный хребет этого региона тоже содержит букву «р» (Урал). Прослеживается цепочка созвучий: Урал – Ур – Урата – Уриил – Ра – рай и др.

Символом этой цивилизации стал самый сильный северный зверь – медведь /9/. Недаром на Русском Севере медведя называют «уркой», недаром гербы поволжских городов и поныне изобилуют изображениями медведя. Медведь – символ силы, могущества, отваги и храбрости.

Вспомним клич атаки «ура», напоминающий рев медведя. А где основное место обитания медведя? Ясно, в лесной, сельскохозяйственной зоне, на Руси. Уж явно не в скотоводческой зоне, вообще в местностях, бедных животным и растительным миром. Вот вам и преобладание глухих или шипяще-свистящих звуков у населения этих географических зон.

Кстати, в связи с этим интересно отметить, что в языках народов, населяющих изолированные от Евразии территории, например в туземной Северной Америке, как правило, отсутствовал звук «р». Так, в большинстве жизненно важных слов американских индейцев нет звука «р» /4/: «тахуан тин суйя, попол-ву, теакол, кайалон, маниту, коатепль, теночтитлан, уициолопочтли, тувоттаот, кецалькоатль, уитцилопочтли». К тому же четкое произношение звука «р» нередко вызывает затруднение с самого детства, дети трудно осваивают этот звук – основную заботу наших логопедов. Для существования этого звука в языковом наследии того или иного народа просто необходимо как присутствие наглядного природного аналога, так и его символической значимости в жизни народа. Иначе он просто исчезнет в поколениях людей или редуцируется до неузнаваемости. Последнее, в частности, и произошло в некоторых языках Западной Европы, например в английском языке, в языке народа, наиболее удаленного от древнего исторического индоевропейского центра. Вот как много можно почувствовать из простых этимологических сопоставлений.

1.1.6 Теологические отличия православной ветви христианства от других его ветвей

Говоря о православной ветви христианства, следует отметить «отеческий», а не «приказной» статус горнего мира по отношению к миру земному и, соответственно, более «отеческий» статус религиозных иерархов по отношению к миру простых смертных. Для православных христиан Бог и его мирской представитель – священник есть прежде всего Отец, а не про-

сто пастырь-пастор-пастух стада Христова над несмышлеными овцами. Недаром священников на Руси называют не пастырями, а нежным словом «батюшка».

Важным свойством православного христианства является сложность системы иерархических представлений о горнем мире. В этой системе в непростых и непознаваемых до конца взаимоотношениях находятся: Бог Отец-Вседержитель и Иисус Христос-Спаситель-Господь, составляющие две ипостаси Святой Троицы, Матерь Божия, ангелы (со своей иерархией), херувимы, серафимы, апостолы (со своей иерархией), ветхозаветные пророки, равноапостольные, святые, преподобные, мученики, блаженные и пр. Темные силы в православном христианстве также имеют много обозначений и соответствующих им признаков: Сатана, искуситель, дьявол, Люцифер, нечистый, змий, не говоря уже о ведьмах, демонах и т. п.

Из всего этого следует важный момент. Идея чистого монотеизма, которая в большей степени соответствует иудаизму и является ветхозаветным наследием, в его православной ветви как бы размыта идеями древнего иерархического монотеизма. Иерархический монотеизм нельзя смешивать с политеизмом. Иерархический монотеизм предполагает существование множества божественных сущностей, но сущностей, образующих свою систему иерархии, возглавляемую единым центром. Сегодня православное христианство в значительно большей степени, чем другие ветви христианства, хотя и является по признанию монотеистической религией, но приближается по своей сути к идее иерархического монотеизма.

Корни такого рода представлений следует искать, разумеется, не в иудаизме, а в древнерусском наследии. Сегодня рядовой православный христианин, молящийся в церкви, прямо обращается со своими житейскими заботами не к Богу Отцу и даже зачастую не к Иисусу Христу, а к тому или иному святому: Николаю Угоднику, св. Пантелеймону и др. В подсознании русского человека сохранены представления о том, что не следует, скажем так, утруждать просьбами Всевышнего Бога. Обращение к Всевышнему Богу как к богу Саваофу не очень-то распространено, существуют конкретные святые, которые как бы и поставлены свыше для помощи в исполнении конкретных житейских просьб. Не случайно, что Николай Мирликийский со временем «преобразовался» в Николая Чудотворца и в Николу Угодника. Не случайно, что Матерь Божия стала настолько сегодня «многоликой», что простые смертные молятся уже ее отдельным образам-воплощениям. Сегодня иконографических изображений Матери Божией, отвечающих этим образам, довольно много, порядка 100.

А теперь попытаемся ответить самому себе на следующий вопрос. Неужели каждому человеку из многомиллиардного населения планеты надлежит напрямую обращаться к самому высшему существу – Всевышнему Богу? Общий принцип мироздания заключается в ступенчатом восхождении от простого к сложному, в данном случае к суперсложному – Всевышнему Богу, владыке всех и вся. Неужели наивысшее существо должно заниматься просьбами и проблемами всякого живого творения, в том числе любого человека на Земле? При таких теологических представлениях об общей структуре мироздания происходит нарушение ряда очевидных принципов.

Если мы обратим свой взор на окружающий нас мир, то увидим, что здесь все не так. Рационально ли обременять своей просьбой наивысшее существо, а этому высшему существу отвечать на это обременение, то есть так или иначе реагировать на возможно мизерную по масштабам просьбу. Явно не выполняется при этом также принцип ступенчатости при восхождении от простого к сложному. Природа же следует ему почти неукоснительно, какие бы объекты мироздания мы ни рассматривали. Конкретная просьба, как и конкретное деяние в жизни, должны иметь свой, если так можно выразиться, адресат и проходить свою цепочку иерархических ступеней, определяемых уровнем данной просьбы или деяния.

Так, например, не мозг в целом, а только конкретный участок мозга пианиста посылает по конкретному каналу связи свой сигнал конкретному пальцу этого пианиста нажать на конкретную клавишу рояля. Так, например, боль от уколотого пальца человека передается по кон-

кретному каналу, нерву в определенный участок мозга, а не во все его закоулки. При упрощенной же схеме мы должны будем прийти к выводу, что высшие божественные силы выражаются фактически в одном Едином Боге и что Единый Бог должен пониматься не только как наивысший и всегосподствующий элемент бытия, но как неразделяемая, непознаваемая и далеко удаленная от человека сущность, реагирующая на все, одновременно объемлющая все и вся. В окружающем же нас мире все многофункциональное всегда сложно и имеет свою структуру. И чем многофункциональней объект, тем более он сложноструктурен.

Зададимся еще одним важным вопросом. Отвечает ли упрощенная и жесткая монотеистическая идея требованиям современного мира? Сомнительно, если сопоставить ее с идеей иерархического монотеизма. Очевидно, что последняя идея существенно лучше соответствует вышеописанным общим принципам (рациональности, ступенчатости, структурности и т. д.), она лучше отвечает реалиям окружающего нас мира. Эта идея в большей степени соответствует представлениям, характерным для древнерусской веры. Поэтому многие элементы такого видения мира были восприняты православным христианством в заметно большей степени, чем другими его ветвями. Теперь становится понятно, что чем более та или иная религиозная конфессия отвечает идее иерархического монотеизма, тем более она многогранна и всеохватна.

Еще один важный момент. Жесткий монотеизм пусть постепенно, но с неизбежностью подводит как к герметизации определенных «избранных», единственно допущенных говорить от имени Единого Бога, так и к герметизации религиозных устоев, к сокрытию от подчиненных исполнителей – овец многих откровений Божиих (если таковые имеются) и, скорее всего, к созданию собственных установлений, созданных исключительно этими «избранными», но объявленных истинами Единого Бога.

При иерархическом монотеизме Всевышний оказывается более проявляемым и открываемым Богом, открываемым одновременно сразу по многим и многим «каналам». Но является проявляемым и открываемым не обязательно непосредственно, а через целый сонм элементов подвластной ему иерархии, через различные земные чудеса, в результате встречного человеческого сознания, порождаемого духовной энергетикой земных душ. Возникает как бы два потока духовного энергетического взаимодействия между небесным и земным мирами. Причем эти взаимодействия могут происходить между самыми различными уровнями как земной, так и небесной иерархии. Богатство возможностей во всей своей красе.

При таком подходе Всевышний Бог и другие представители небесной иерархии в представлениях жителей Земли становятся наделенными признаками антропоморфности. Они изображаются в силе, величии и славе, в прекрасных одеяниях и с неизменными источниками света (святости), исходящего от них самих. Их функции применительно к земному бытию рассматриваются как вполне определенные. Безусловно, что такой комплекс представлений о горнем мире отличается огромной духовной силой, и чем более та или иная религия будет следовать ему, тем большей ценностью для будущего она будет обладать.

Еще одной важной особенностью русского православного христианства является то, что оно воспитывает паству в духе равенства всех перед Богом, в духе грядущего воздаяния по реальным заслугам, вне прямой зависимости от занимаемого социального положения, уровня богатства и т. п. Идея равенства перед Богом присутствует здесь в более явной форме. Такого явления, как утверждение идеи непогрешимости Папы, здесь невозможно представить.

Православное христианство есть «солнечная религия», есть религия Света, побеждающего Тьму. Связь идеи солнца с христианскими символами и с христианскими догматами была замечена давно. Четкое соответствие главных православных праздников основным фазам солнечного цикла, наполненность светом многих образов горнего мира, особая храмовая красота, яркость и многоцветье церковных росписей, божественность песнопений, проведение служб не только в сумраке келий, но при ярком свете свечей – символов огня и света, даже торже-

ственное и обильное вкушение лучших яств земных в праздничные дни и еще многое, многое другое выделяют православное христианство как «солнечно-радостную» ветвь христианства. В существенно меньшей степени, чем в других ветвях христианства, здесь встречается немилосердная религиозная жестокость. Веротерпимость здесь очень сильно, возможно, даже чрезмерно сильно развита.

Ведь именно западная культура принесла на Русь смертоубийство как наказание за религиозные убеждения. Подобного не было ранее. Да и кровавых ритуальных человеческих жертв, как ни пытаются нас убедить в противном апологеты других религиозных направлений, в древнерусской вере и в пришедшем ей на смену христианском православии практически не было. Кровь людей и животных не используется при исполнении священных обрядов, хотя отголоски этого древнего обряда еще сохранились.

В православном христианстве заметно выражена идея соборности. Эта идея в плане государственного строительства выражается в собирании различных земель в единую православную государственность. Соборность в социальном плане есть, по сути, использование общинных принципов бытия не только для выдвижения лучших представителей народа во власть, не только для поддержания нравственных норм в обществе, но и для создания достаточно гармоничной системы регулирования социальных отношений между верхами, срединными сословиями и низами общества. Конечно, не в полной мере, но все ж в православной ветви христианства элементы соборности присутствуют. Истинная соборность не есть демократия в ее традиционном понимании, где голоса всех социально равны (от закоренелого бездельника до великого гения). Но соборность не есть и механическое давление общества на личность. Она предоставляет каждой конкретной личности определенные правила поведения, дает ей вполне конкретный перечень как обязанностей, так и прав в соответствии с ее социальным статусом. О формальном, но абсолютно недееспособном «демократическом равенстве», вообще о земном равенстве здесь не может быть и речи. Известный американский деятель Бенджамин Франклин как-то высказался в отношении демократии следующим образом, выразился достаточно честно и откровенно: «Демократия – это когда два волка и ягненок решают, что сегодня будет на обед» /19/.

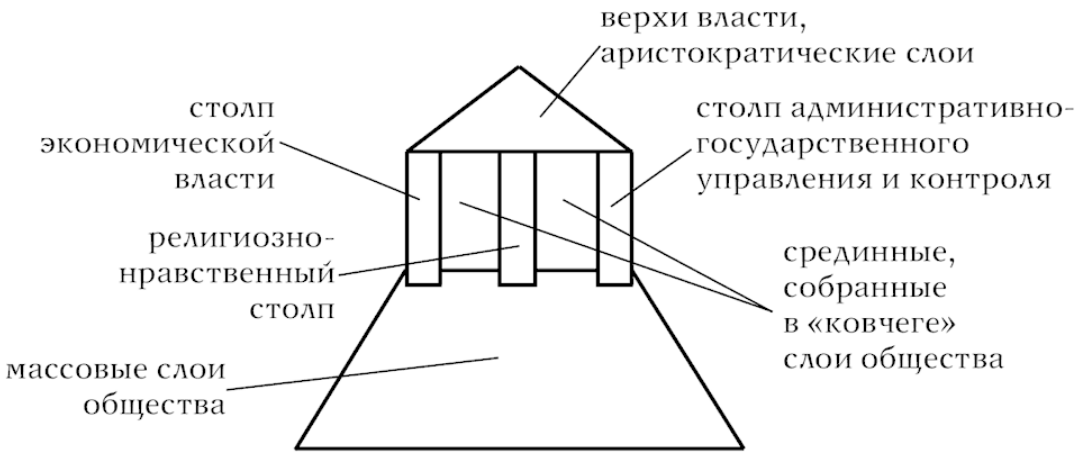
Соборная же человеческая справедливость есть установление всех членов общества по соответствующим им уровням иерархии. Религиозная вера выступает здесь в чисто социологическом плане в качестве объединяющей, собирающей единой ответственностью и нравственностью силы. Соборность предполагает определенную довольно высокую степень развитости и свободы личности, высокую степень ее социальной активности и независимости. Без этого условия никакого действенного собора не может быть в принципе. Вот почему уничтожение всяких потуг к организации собора в истории нередко начиналось с развращения народных масс, с ликвидации лучших, наиболее активных их представителей. При этом надо помнить, что соборность не есть жесткое подавление личности государственными структурами, последнее как раз и есть нарушение соборности, ведь в этом случае никакой собор уже и не нужен, а нужно лишь беспрекословное исполнение приказов.

Прямых и косвенных признаков наличия принципов соборности в православном христианстве довольно много. Это массовые богослужения, общее храмовое исполнение песнопений и молитв, общественное участие в исполнении основных праздничных обрядов, это даже стояние всех людей в храмах во время службы (знак единения и уравнивания всех пред лицом Господа) и еще многое, многое другое.

О русской соборности написано предостаточно многими выдающимися людьми, поэтому повторять здесь известные вещи мы не будем. Но кое-что сказать все же надо. Непосредственно связанным с соборностью явлением русского духа является особо чуткое, можно даже сказать, болезненное отношение русского человека к несправедливости, к добру и злу, трепетное

улавливание русским сердцем всякой неправедности вообще. Из этого свойства проистекает и относительно слабый национальный эгоизм православного сердца.

Христианская церковь всегда имела претензию на выстраивание мощных столпов между низами и верхами, цементирующих верой общество в единое целое. Социальную структуру такого общества, которую можно назвать классической (недаром она имеет классический вид), можно схематически представить себе в следующем виде:



В таком обществе срединные сословия, наиболее продуктивные в плане поиска новых идей и путей прогресса, заключены в обрамляющие их рамки. Эти рамки, с одной стороны, организуют деятельность срединных сословий и в чем-то, разумеется, ограничивают их, но с другой – обеспечивают жизнь всего организма в целом. Получается классическая общегосударственная пирамидальная структура с руководящей верхушкой и низовой питательной средой, в которой, как в ковчеге, сохраняются творческий потенциал общества, его срединные сословия.

Наличие этих столпов, связывающих верхи и низы общества, если они действительно эффективно трудятся, приводит к консолидации общества. При этом религиозно-нравственный столп оказывается в этой «тройке» очень важным, он обеспечивает комфортное духовное и нравственное существование общества в целом. Именно такой идеал земного мироустроения и находится в сердце каждого истинно православного человека, хотя сохраняется в нем иногда в чисто интуитивном, не оформленном виде.

Еще одним немаловажным качеством православного христианства является его повышенная приверженность, если так можно выразиться, к чудесным проявлениям. Причем, что очень важно, чудеса, как правило, должны здесь быть массовым явлением, доступным многим окружающим, как бы «соборным» явлением. Такого рода чудовоплощения божественной силы имеют очень сильный притягательный эффект. Эти чудеса воспринимаются русским сердцем как свидетельство вселенской истинности учения, что является еще одной характерной чертой православного христианского духа. И как это ни покажется многим удивительным, чудеса случаются в православном мире довольно часто. Сегодня это и мироточение икон, и чудесные исцеления от мучительных и смертельных болезней у сильно верующих, и возгорание Священного Огня в Иерусалиме, и многое другое.

Очень важным качеством православного христианства является также то, что смысл любви здесь намного шире чисто «определительного» понятия любви (хотя и по сей день это понятие имеет очень различное толкование). Любовь в христианской традиции понимается как средство, без которого социальное земное Зло чисто материальными человеческими способами победить невозможно в принципе. Христианство вообще исходит из убеждения, что мира

без любви быть не может. Более того, и любви недостаточно. По канонам христианства, необходимо вмешательство высших сил – пришествие Иисуса Христа, знаменующего собой конец «старого» Света, гибель старых социальных отношений. Такова социологическая суть христианской любви, если даже формально отвлекаться от других важных аспектов этого многогранного явления.

В рамках христианского видения мира всеобщая гармония, построенная на чисто материальных основаниях, невозможна в принципе. Вот почему христианство, и особенно православие, «предлагает» радикальнейший путь перерождения человеческого общества – через смерть старого мира, второе пришествие Иисуса Христа, Страшный Суд, за которым последует новое жизненное устроение – Царство Божие. Таким образом, с православной точки зрения смысл всей истории человечества есть, помимо прочего, демонстрация стратегической беспомощности «материального человека», его собственного разума в плане построения рая на Земле. Упование на Бога и уклонение от зла – вот истинно христианский подход к жизни.

Отсюда и свое понимание страха Божия. Это не мелочный, подавляющий, пугающий всех и вся страх, нет, это страх, подвигающий прежде всего на совершение богоугодных дел, страх, который должен довлеть над человеком при совершении им любых деяний.

И как-то слабо вяжутся с этим известные представления о том, что спасенными после Страшного Суда окажутся только 144 000 человек, записанных в Книге Жизни. Сопоставив эту цифру с числом живущих ныне и уже отживших свой срок на земле (пусть это будет ~100 млрд человек), мы получим довольно мрачное соотношение $1{,}4\cdot 10^5 / 10^{11} \sim 10^s$. Что, лишь один из миллиона будет достоин райской жизни? Буква Закона не всегда соответствует Вере.

Еще одной характерной чертой православного христианства можно считать то, что культ женского начала поднят в нем на очень большую высоту. Такого числа икон Матери Божией нет более нигде. Разумеется, это есть результат переработки древнерусского наследия. Не случайно Матерь Божия признана покровительницей Руси-России.

Довольно интересной чертой православного христианства и русского духа вообще является то, что снисхождение вниз, к меньшим мира сего, не считается зазорным. Сам Иисус Христос снисходил в ад, его ученики-апостолы не происходили из высших слоев общества, распространенная в православном христианстве тенденция умаления себя самого не только не осуждается, но интенсивно поощряется. Интересно напомнить в связи с этим, что в древнерусской азбуке первой буквой алфавита является буква «Аз», то есть «Я». А вот в современной азбуке буква «Я» есть «последняя буква алфавита», о чем нам очень любят напоминать педагоги в школе. Это умаление самого себя доходит до пренебрежения собой, до юродства. Институт монашества тоже в какой-то степени можно считать структурой, направленной на личностное отрешение от земного бытия. Отказ от собственной воли, от целого ряда мирских обязанностей и забот, беспрекословное повиновение вышестоящим, даже сам факт ношения черной монашеской одежды – многое говорит об этом.

Конечным итогом всего вышеизложенного служит выращенная веками социальная пассивность населения, уход в духовный и обрядовый мир при трудностях в разрешении практических проблем, фактическое проявление эффекта социального безволия. Не является ли это сознательное обособление от мира в наше бурное время еще большим грехом, чем совершение некоторых «частных» грехов в процессе открытого и даже агрессивного проявления своей доброй воли? Поднять на активные социальные действия людей такого сорта чрезвычайно трудно. Немудрено, что это качество православного христианства с успехом использовалось власть имущими. Вспомните историю России, и вы убедитесь в этом сами.

Не менее значимой чертой христианского православия является повышенная направленность на жертву. Высокая жертвенность, как подобие жертвы самого Иисуса Христа на кресте Голгофы, в западных ветвях христианства развита заметно слабее. Сегодня представители западного мира не очень-то хотят платить своим достоянием и тем более своим «животом»

за достижение своих целей. В православном мироощущении такого крена еще полностью не произошло. До последнего времени мы еще умели стойко переносить тяготы и напасти и даже безвозмездно идти на жертву. Кстати, если истовый мусульманин идет на жертву, то он получает обещание в посмертии попасть в рай. Православный же такого обязательного обещания не получает. Разница огромна.

1.1.7. Итоговое заключение о христианстве

На этом можно было бы закончить изложение основных отличительных свойств православного христианства, а также завершить краткий социологический анализ христианства в целом. Однако кое-что хотелось все-таки добавить. А именно, полезно остановиться на некоторых итоговых положениях, которые пригодятся нам в дальнейшем:

1. Христианство содержит в себе определенные качества, которые с теологической и социологической точек зрения позволяют рассматривать его как в целом позитивное учение, хотя по многим пунктам и не соответствующее требованиям настоящего времени.

2. Теоретические и практические установки христианства в принципе способны обеспечить его существование на мировой арене.

3. Основные ветви христианства заметно разошлись друг от друга, разошлись настолько, что говорить об их объединении пока преждевременно.

4. С полным основанием можно утверждать, что христианство в период его становления явилось некоей идеологической революцией. По этой причине, а также по целому ряду других причин оно существенно отличается от многих других религий мира.

Рассмотрим последний пункт более подробно. Коренные отличия христианства от иудаизма мы разбирать здесь не будем, об этом поговорим чуть позже. Рассмотрим такого рода свойства христианства при сопоставлении его с древнегреческой религией.

В древнегреческой религии считалось, что боги живут на небесах, люди – на земле. Было два мира: мир бессмертных богов и смертных людей. Эти миры заметно отличались друг от друга. Возможности проникновения рядового члена земного мира в мир бессмертных богов просматривались по меньшей мере довольно смутно. Для общения со смертными боги либо в различных обличьях спускались вниз, на землю, либо давали наставления смертным, являлись им в снах и видениях. При всем при том высший мир представлялся как некое отображение человеческого мира. Боги были наделены практически всеми свойствами человеческой натуры, они любили, ненавидели, испытывали симпатии и антипатии, создавали союзы, враждовали между собой, наслаждались и даже страдали. При этом если переход сверху вниз осуществлялся довольно часто и легко, то переход снизу вверх оказывался чрезвычайно затрудненным. Получить бессмертие, то есть стать богом, – для этого надо было очень и очень постараться смертному человеку. Достаточно перечитать «Илиаду» и «Одиссею» Гомера, чтобы почувствовать религиозный дух того времени.

А что же христианство? Оно во многом пропитало себя всем предшествующим ему наследием, но при этом выработало свою систему представлений, как бы собрав ее из различных кусков, принадлежащих к различным религиозным учениям. С одной стороны, христианство заметно возвысило горний мир, одновременно несколько упростив представления о нем, идея единобожия – наглядное тому подтверждение. С другой стороны, оно приблизило человека к этому миру, приблизило хотя бы в посмертии. Теперь праведный человек мог рассчитывать на свой посмертный переход в рай, на переход в небесные божественные сферы. Хотя эта идея тоже не принадлежит христианству *(см.* ниже).

Теперь Всевышний Бог, Сын Божий, Матерь Божия, большинство апостолов, а впоследствии и многие причисленные к лику святых наделялись такими свойствами, как святость, неземная мудрость, безгрешность, справедливость, праведность и т. п. При этом они

лишены были ряда негативных человеческих качеств, таких как ненависть, злость, порочность и т. п. Иначе нелогичным было бы признание существования идеального рая, как нелогичным было бы признание того, что душа каждого праведного человека в посмертии могла бы получить не абсолютно справедливое, а ошибочное, то есть неправедное, решение и попасть вместо рая в ад по прихоти кого-либо из небожителей. Более того, теперь не просто самому обыкновенному человеку, но даже и грешнику, искренне уверовавшему во Христа, предоставлялась возможность оказаться в посмертии в раю.

Совершенно очевидно, что эти качества христианства оказались чрезвычайно заманчивыми, они-то в значительной степени и облегчили победное шествие христианства по странам мира.

Однако нельзя не отметить и ряд не столь удачных моментов в христианском учении. В веках истории в нем накопилось некоторое число несоответствий и «многомыслий». Об этом свидетельствует и наличие всевозможных, порой противоречащих друг другу толкований одних и тех же мест библейского наследия, и обилие не вполне канонической литературы, и сложность всевозможных «увязок» ветхозаветных, новозаветных и других первоисточников, и множество сект и ответвлений, свидетельствующих, вообще говоря, о не вполне четком и однозначном понимании различных положений христианства.

Нынешняя эпоха требует от религии большей ясности понимания и большей определенности, закрепленной в головах смертных. Религия должна не только оставаться добротным средством окормления масс, она должна быть и неким руководством к действию, а не уходом от социальной жизни. В связи с этим будет полезно немного остановиться на некоторых свойствах православного христианства, которые можно с полным основанием считать недостатками в наше бурное время.

К такого рода свойствам можно отнести следующее.

В последнее время среди верующих чрезмерно развилось явление, которое условно можно назвать «отданием Богу собственной воли». Проще говоря, оно сводится к известной формуле: «Что Бог ни делает – все к лучшему». Личность в своей и не только своей судьбе все более и более полагается на Бога, сознательно лишая себя воли, покоряясь судьбе, смиренно принимая на себя всевозможные тяготы, несправедливости, гонения и т. п. Кстати, монашество как религиозный институт предполагает полное подчинение монаха вышестоящему руководителю, то есть осуществляет отдание воли нижестоящего вышестоящему. Такие явления, безусловно, централизуют церковь и упрощают работу с паствой, но они же выращивают в массах ощущение покорности судьбе. Отсюда прямой дорогой вызревают такие неблаговидные с социологической точки зрения явления, как примирение с неправдой, принятие несправедливости, согласие на рабское подчинение и т. п.

Симптомов подобного рода предостаточно. Так, былая боевитость христианской православной церкви резко, можно даже сказать, катастрофически упала. Святыми сегодня преимущественно становятся всевозможные страстотерпцы, а не герои, здравствующие или павшие на поле брани за родину. Времена святого Георгия, наверное, навсегда канули в вечность. Что говорить, если, например, уже появляются сообщения о том, что православная церковь готова серьезно обсуждать вопрос о совершении панихиды и даже об отпевании Ульянова-Ленина /20/! Можно верить этому сообщению или нет, но сам факт публикации такого сообщения уже говорит о многом.

Именно в таком смысле сегодня начинают трактовать известное христианское изречение «Богу – Богово, а кесарю – кесарево». В социальном плане такая позиция понижает активность позитивных слоев населения, «размывает» их в обществе, дает возможность определенным силам лепить из масс все, что им пожелается. Вызревает масса негативных последствий. В том числе открывается дорога наверх не глубоко духовным, высокообразованным и одаренным коренным национальным кадрам, а не очень-то доброкачественному человеческому матери-

алу. Не случайно в русской истории на различные уровни власти нередко пролезали всевозможные выскочки, далекие инородцы, а иногда и вовсе не здоровые личности.

Знаменитое изречение «Блаженны нищие духом» воспринимается нередко как благодать идивидуальной духовной слабости вообще. Наблюдается явный перекос в сторону именно «малых сих» и «нищих духом». Именно в отношении них нас призывают проявлять самую большую любовь. При этом любовь к самому себе не очень-то поощряется и даже как бы порицается. Такая любовь расценивается как эгоизм. Получается логический парадокс: горячо любить ближнего, дальнего и даже врага своего – поощрительно, а вот себя самого – вроде бы и не очень. Сия мораль уже основательно въелась в душу русского человека. Проявлять трепетную нежную заботу о высокостоящих ближних своих мы как-то уже и не привыкли. Корни этого общего явления проросли уже очень глубоко.

Но и этого мало. В христианстве такие проявления, как обильные мирские наслаждения, буйные увеселения, активная социальная борьба за свое законное место под солнцем, упоение земным счастьем, опять же не в чести. Благие воздаяния в большей степени обещаются как раз за перенесение личных тягот бытия или мучений. Где святые воины на фоне приобщаемых к лику святых страстотерпцев? Почему такой подход? А идея такова – все проявления индивидуального духа должны находиться под контролем церкви. Жизнь, свободная от христианского храма, рассматривается как «холостая», то есть бесполезная. «Бог терпел и нам велел» – расхожий тезиз многих христианских проповедников. Распятие самого Иисуса Христа является мощным базисом такого подхода. Вот почему буйная земная радость, счастье и т. п. формально хотя не возбраняются, но и не ставятся в заслугу пастве. Задумайся на минутку, читатель, испытываемое тобой счастье на земле тебе в заслугу не ставится!

Однако аскетический дух раннего христианства все же пропитался в течение последующих столетий живительной силой здоровых проявлений. Древние богослужебные действия первых христиан, совершаемые в укромных местах, в основном ушли в прошлое, хотя среди ряда монахов-затворников они все еще распространены. Великолепные интерьеры храмов, их величественная архитектура, яркие краски богато расписанных икон, праздничный характер богослужений налицо, мирская радость проникла и закрепилась в христианских нормах. Сюда же можно отнести и торжественные массовые шествия, и богатейшие застолья и пиры, и широкую православную Масленицу, и искрящуюся цветами рождественскую елку, и пасхальные куличи с яйцами и творожной пасхой. Конечно, заметную роль здесь сыграло то, что христианство на длительный период стало государственной религией в ряде стран мира, однако одного этого фактора было бы явно недостаточно.

Пойдем далее. В христианстве существует некоторая нечеткость представлений о том, кто и за что попадет в посмертии в рай, а кто в ад. Сколько и каких деяний нужно совершить, чтобы заслужить рай? Иногда для этого может не хватить целой жизни, а иногда, согласно Писанию, нужен один мученический возглас на кресте распятия. В этом вопросе все должны уповать на волю Божию.

Дополнительно к этому вводят в смущение диаметрально противоположные крайности-однозначности – либо рай, либо ад (у католиков есть еще чистилище). При преобладающем заселении ада (вспомним здесь о Книге Жизни) такое простое деление не служит притягательной силой, а оказывается в большей степени эпицентром рождения личного страха. Хотя надобно сказать, что эта нечеткость заключает в себе практический смысл, поскольку она позволяет постоянно держать руку на пульсе каждого живущего человека, признающего себя истинным христианином. Однако довольно о недостатках. Напомним еще раз некоторые характерные свойства христианства, которые пригодятся нам при последующем анализе:

1. Пусть и не очень откровенно, но все же в канонических ветвях христианства угадывается идея существования высшей небесной иерархии и постоянной связи ее с живущими на Земле, а не только идея существования одного «монобога».

2. Идея конца Света, присущая христианству, в принципе означает:

• построение силами самого человека рая на Земле, построение самим человеком нового благого мира невозможно;

• построение нового мира возможно только путем второго пришествия Иисуса Христа;

• грядет разрушение старого мира, для жизни в новом мире необходимо перерождение, очищение человека, коренная переделка духовных основ его существования;

• грядет Страшный Суд, который будет сопровождаться воскрешением всех живших ранее и соответствующим воздаянием им по их личным заслугам.

3. Основным средством для перерождения человека, достойного нового мира, является развитие в нем широкого иррационального чувства – чувства всеобщей любви. Христианскую любовь следует понимать в том числе и как глобальную замену стародавнего ветхозаветного Закона. Об этом говорит весь дух Евангелия. Здесь уместно напомнить о знаменитой идее Святой Руси, которая не является идеей сверхсправедливого устроения земного мира, равного божественному, что противоречило бы канонам христианства. Она является идеей организации такой жизни, которая смогла бы стать носительницей святых христианских постулатов, способной донести их в чистоте и силе до второго пришествия Иисуса Христа.

4. Личное спасение достигается с помощью покаяния, исполнения заповедей, послушания, служения, но главное – всеобщей любовью; идея личного спасения очень сильна, она способна сгладить многие социальные напряженности.

5. Наличие идеи христианской вселенскости, то есть идеи единения всех людей по христианским заповедям вне зависимости от цвета кожи, национальности и т. п. Эта идея уравнивает всех людей перед лицом Великого Бога.

Заканчивая раздел о христианстве, нельзя не сказать несколько слов об объединительных тенденциях, то есть о тенденциях соединения всех ветвей христианства под одно церковное управление. Общее христианское понимание мироустроения еще много веков назад было выражено в кратких словах Блаженного Августина: «Бог указывает душе, а душа указывает телу. Нет ничего более согласного» /21/. Эти слова с откровенной красотой, простотой и ясностью еще раз говорят нам о вселенскости христианства. Они были произнесены знаменитым католическим богословом, но, по сути, могут быть включены в катехезисы всех ветвей христианства, да и не только его. И все же проведенный выше анализ позволяет сделать вывод, что в настоящее время отдельные ветви христианства имеют не только формально-структурные, но и исторически сложившиеся глубинные различия, они уже основательно разошлись друг от друга. И все же почва для объединения христианских ветвей в одно русло будет существовать всегда, пока существует христианство.

Тенденции к сближению встречались неоднократно в истории христианства. Во второй половине XX века при Папе Иоанне XXIII потуги в сторону налаживания более тесных связей были выражены довольно сильно. Вот что пишет об этом один из биографов Папы Иоанна XXIII в связи с деятельностью Второго Ватиканского собора:

«…православные и протестанты, англикане и копты, представители реформаторских и свободных церквей… протянули руки римско-католическим христианам. Такого не бывало уже на протяжении веков» /22/.

Рассматривая эти тенденции с учетом всего вышеизложенного, а также ориентируясь на общемировые социальные тенденции /14, 16, 23/, православной ветви, вероятнее всего, полезно будет придерживаться следующих принципов церковной политики:

1. Надо ли идти на интенсификацию контактов между религиозными конфессиями? Безусловно, надо. Это уточнит базис для возможного единения, а также конкретизирует отличия каждой ветви христианства друг от друга. Кроме того, это послужит хорошей традицией и школой для развития в будущем плодотворного диалога между различными конфессиями.

2. Надо ли именно сегодня стремиться к ускоренному объединению основных христианских ветвей? Нет, не надо, это принесет более отрицательных, чем положительных моментов. Особенно это относится к русскому православному христианству, являющемуся сегодня, пожалуй, одним из немногих самобытных оставшихся еще оплотов в ныне пока нравственно ослабленном, теряющим лицо населении России.

1.2. Иудаизм

Перейдем теперь к не менее интересному религиозному направлению – иудаизму. Почему именно к иудаизму и именно сейчас, сразу после христианства? Официальных носителей этой религии не так уж и много в современном мире. К тому же многими историками и социологами иудаизм не признается в качестве мировой религии /3, 13/. А потому, что, во-первых, нынешняя эпоха по очень многим пунктам неплохо коррелирует с этим религиозным направлением, а, во-вторых, потому, что многие носители этого направления наделены сегодня немалой властью. Существуют и другие веские доводы на этот счет, но о них чуть позже.

Начнем с того, что следует считать наиболее важным в этом религиозном учении, существенно выделяющим его из всех других учений. Это важное можно свести к следующей краткой формуле: вера в собственную избранность (1), в грядущую власть на Земле (2), вера в приход своего Мессии (3). Из этой трехсоставной формулы можно вывести большинство наиболее характерных черт иудаизма. Разберем эти черты по порядку.

Из идеи избранности с учетом относительной малочисленности носителей иудаизма и ряда других обстоятельств вытекает следующий набор его вторичных качеств:

• стремление к господству; вот как сказал об этом известный религиозный православный деятель конца XX века митрополит Иоанн /24/: «Иудаизм есть утверждение исключительного права иудеев, гарантированного им самим фактом рождения, на господствующее положение не только в человеческом мире, но и во всей Вселенной»;

• обилие элементов архаизма; такой степени архаизма и буквальности следования Закону, пожалуй, не найти ни в какой другой религии мира;

• сплоченность носителей иудаизма, продиктованная в том числе заманчивыми идеалами априорной возвышенности и обещаемого господства; эта сплоченность делает им честь на фоне атрофии аналогичных качеств у других народов; кстати, идея избранности действует и внутри самих иудеев, среди многих колен Израилевых левиты имеют привилегии;

• отношения с представителями других народов строятся прежде всего на оценке их пользы для избранного народа, истинные интересы иудеев часто прячутся за их артистизмом, демонстрацией неагрессивности, образованностью, умением использовать чужие достижения.

Достаточно окинуть Тору непредвзятым взглядом, чтобы почувствовать это со всей определенностью. Можно согласиться с мнением В. Истархова /6/, что иудаизм есть не столько религия, сколько система национальной организации евреев, пригодная для проживания их среди других народов. И один из принципов поддержания такой организации есть интенсивная эксплуатация всего внешнего по отношению к человеку, в данном случае к носителю иудаизма. В иудаизме идея эксплуатации любого чужеродного материала получила, если так можно выразиться, свое теоретическое подтверждение и завершение. Раз чужое признается за более низкое, то отсюда логически следует вывод – можно эксплуатировать.

Забегая несколько вперед, нужно, однако, сказать, что эту идею не следует считать сугубо иудейской, как не следует считать сугубо иудейскими большинство идей иудаизма вообще (это может показаться странным, но читайте далее).

Архаизм иудаизма также проявляется довольно откровенно. Здесь и пронесенный через века обряд обрезания, и множество мелочных талмудических установлений, и заметная косность учения, и огромная доля «кочевой нравственности». Архаизм и косность наиболее ярко проявляются еще и в том, что Закон для истинного иудея буквален, грехом здесь называется не грех в собственном понимании этого слова, то есть не грех души, совершившей и даже не совершившей (но помышляющей об этом) то или иное деяние, а неисполнение буквы Закона. Здесь нет, по сути, Добра и Зла, а есть исполнение или неисполнение Закона.

Ни одна другая религия не наполнена до такой степени мелочными предписаниями, как иудаизм. Да и рабство также рассматривалось здесь как вполне приемлемое явление. В /3/ сказано, что «рабов вообще Талмуд оставлял без всякого внимания, они не считались членами еврейских общин, тем более что рабы у евреев-рабовладельцев были обычно из чужеплеменников».

Есть еще один важный момент. В иудаизме признак рода, признак крови является очень важным. Этот признак выполняет много функций: он скрепляет ряды евреев, не позволяет смешиваться им свободно с представителями других народов, помогает сохранять основные догматы иудейской веры.

1.2.1. Вопрос происхождения древних иудеев

Для лучшего понимания многих свойств иудаизма полезно рассмотреть вопрос о происхождении еврейства.

В классической истории считается, что евреи, как основные носители иудаизма, принадлежат к семейству семитских народов, которые издавна проживали на просторах Центральной и Юго-Западной Азии. Как утверждает эта история, скотоводство было освоено сначала именно семитами, а только затем тюрками /25/. Существует также иное мнение, заметно менее распространенное и не считающееся общепринятым, что семиты обязаны своим происхождением переселению древних ариев с севера на юг и смешению их там с туземным населением /26/. Результатом этих движений и явилось рождение смешанной, как сказано в /26/, «серой» расы, в том числе семитов.

При глубоком анализе вторая версия о происхождении Израиля выглядит довольно правдоподобной. Во всяком случае, она объясняет прихотливую смесь самых различных теологических идей, присутствующих в иудаизме. Здесь есть как идеи, с необходимостью требующие источника высокого цивилизационного развития (утверждение единого высшего божественного существа, признание исключительной важности родовых корней и выполнение определенных правил продолжения рода, высокая внутренняя самооценка и др.), так и идеи и ритуальные установления, чрезмерно приземленные.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.